КЛИЧЪ

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ

№ 1.

1917 г.
МОСКВА

КЛИЧЪ

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ

№ 1.

МОСКВА—1917.

Т-во Скоропечатня А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер., собственный домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 5

Декларація піонеровъ объединенія работниковъ умственнаго труда 7

Алексѣй Боровой. Интеллектуальный пролетаріатъ. 9

Sphinx. Посвященіе 14

М. Н. Гернетъ. Смертная казнь 15

С. А. Лопашовъ. Творческій духъ революціи 16

М. А. Волошинъ. Гильдія Св. Луки 19

А. А. Солоновичъ. Позиціи интеллектуальнаго труда 22

Л. Черный. Этюды о классовой природѣ интеллигенціи 26

Н. М. Никольскій. Церковь и государство 29

С. П. Радцигъ. Забытые 33

Д. Жариновъ. Къ вопросу о демократизаціи средней школы . . 37

Н. И. Бронштейнъ. Синдикализмъ. (Обзоръ литературы) . . . 42

Хроника 46

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/klichserial018800

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Моя свобода и радость—въ свободѣ и радости другихъ.

Нашъ журналъ открываетъ свои страницы всѣмъ, кто борется за утвержденіе свободы во всѣхъ планахъ человѣческаго творчества.

Нашъ врагъ—деспотизмъ, какой личиной бы онъ ни прикрывался, насиліе, отъ кого бы оно ни исходило.

Журналъ не представляетъ собой и не отражаетъ никакой политической партіи.

Лозунгъ, объединяющій насъ,—защита человѣческой личности во всей полнотѣ ея проявленій, признаніе за творческимъ «я» суверенного, самодовлѣющаго значенія, но при условіи дѣйствительнаго, идущаго до конца уваженія правъ другого.

Для утвержденія автономной личности, мы должны пройти строгую просвѣтительную школу, суровый организаціонный искусъ. Мы должны научиться понимать, уважать и любить права другихъ. Организація должна воспитать въ насъ инстинкты свободы и равенства, не убивая въ насъ духа личной иниціативы и свободной критики.

Таковы общія устремленія новаго журнала.

Наряду съ ними мы должны отмѣтить одну частную, но чрезвычайно важную и дорогую для журнала задачу.

Эта задача—защита правъ и интересовъ умственнаго труда.

Редакція полагаетъ, что современная эпоха—со стороны ея трудового содержанія—есть, по преимуществу, эпоха интеллектуализаціи труда. На ряду съ старой и заслуженной

пролетарской арміей физическаго труда выросли могучіе пролетарскіе кадры работниковъ умственнаго труда. Распыленные, они доселѣ остаются неорганизованными, безъ представительства, довольствуясь случайными объединеніями благотворительнаго характера.

Выявленіе классовой природы умственнаго пролетаріата, опредѣленіе общихъ и основныхъ линій его классовой политики—лозунгъ времени. И ниже мы даемъ мѣсто декларацiи, впервые призвавшей умственный пролетаріатъ къ объединенію.

Редакція привѣтствуетъ своего читателя и проситъ во имя товарищеской солидарности помочь ей въ новомъ, отвѣтственномъ и трудномъ дѣлѣ.

ДЕКЛАРАЦІЯ ПІОНЕРОВЪ ОБЪЕДИНЕНІЯ УМСТВЕННАГО ТРУДА

Эпоха, въ которой мы живемъ, эпоха капиталистическая—исполнена самыхъ жгучихъ соціальныхъ противорѣчій, которыя когда-либо знало человѣчество.

Въ ряду многообразныхъ антагонизмовъ, раздирающихъ современное общество, выдѣленіе и послѣдующая организація пролетарскаго класса занимаютъ первенствующее мѣсто.

Исторически, первымъ на міровой аренѣ обнаружилъ себя батрацкій пролетаріатъ, породившій грандіозныя крестьянскія войны. Великій техническій переворотъ XVIII вѣка вывелъ на сцену пролетаріатъ промышленный, не разъ обагрявшій своей кровью столицы всего міра. Послѣднимъ звеномъ пролетарской цѣпи явился пролетаріатъ интеллектуальный—младшій членъ великой пролетарской семьи.

Но въ то время какъ первые отряды пролетарской арміи, давно получили признаніе друзей и враговъ, «осознали себя вполнѣ», заняли въ жизни опредѣленныя позиціи, послѣдній донынѣ еще остается неразгаданнымъ сфинксомъ и о классовой его природѣ ведутся лишь безпорядочные споры.

Между тѣмъ, въ своихъ рядахъ онъ считаетъ милліоны тружениковъ, онъ растетъ, какъ сказочный богатырь; сама природа современнаго соціально-экономическаго развитія требуетъ все большей интеллектуализаціи труда.

Пришло время призвать распыленныхъ умственныхъ работниковъ въ ряды великой пролетарской семьи, какъ равноправнаго брата. Пора бросить некритическій взглядъ на умственный трудъ, какъ на группы «внѣклассовыхъ интеллигентовъ», «выходцевъ», «приживальщиковъ», «кающихся дворянъ», неимѣющихъ собственнаго экономическаго бытія, живущихъ отбросами чужой идеологіи.

Развѣ не находятся въ рукахъ капитала «фабрики»—интеллигентовъ—школы, больницы, театры, редакціи? Развѣ не въ рукахъ капитала ихъ «орудія и средства производства»—книги, инструменты, бумага, печать? Развѣ продуктъ ихъ

труда не переходитъ въ собственность капитала, который вмѣсто эквивалента выдаетъ имъ «кормъ раба» въ видѣ заработной платы? Наконецъ, если современное общество немыслимо безъ фабрично-заводскаго рабочаго, мыслимо ли оно безъ инженера, учителя, врача? Кто можетъ оцѣнить—чьи усилія, чья дѣятельность приближаетъ насъ болѣе къ концу пролетарскихъ мечтаній—соціальной революціи—физическаго или интеллектуальнаго пролетарія?

Экономическое бытіе умственнаго работника опредѣляетъ и его классовую психологію. Оно воспитываетъ въ немъ революціонера, стремящагося къ радикальному измѣненію существующихъ отношеній.

Старый лозунгъ Интернаціонала гласитъ: «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Интеллектуальный пролетаріатъ долженъ быть вѣренъ этому лозунгу. Подобно своимъ старшимъ братьямъ—крестьянскому и промышленному пролетаріату—онъ долженъ организоваться, долженъ самостоятельно выработать свою классовую программу.

Настоящей декларацiей мы—піонеры объединенія работниковъ умственнаго труда—заявляемъ о ясномъ сознаніи нашихъ классовыхъ интересовъ. Изъ «класса для себя» мы хотимъ стать «классомъ для другихъ». Организуемся! Отъ узкой цеховой политики перейдемъ къ широкому пролетарскому объединенію! Сольемъ всѣ союзы, всѣ общества умственныхъ работниковъ Москвы, безъ различія профессій, въ единую Московскую Федерацію. Пусть спаяетъ она огромную аморфную массу, выдвинетъ ея классовые лозунги, поведетъ ее сквозь Учредительное Собраніе для защиты ея классовыхъ интересовъ.

Выступая на поле битвы, шлемъ братскій привѣтъ земледѣльческому и промышленному пролетаріату!

Пролетаріи умственнаго труда, соединяйтесь!

Алексѣй Боровой.
А. Солоновичъ.
Левъ Черный.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ. *)

Въ Декларацiи, которой мы васъ звали въ Учредительное Собраніе, мы именуемъ себя піонерами...

Мы взяли это имя не для установленія пріоритетовъ, не для того, чтобы воскресить въ вашей памяти скромную группу героевъ, создавшихъ когда-то великое дѣло, но для того, чтобы ярче, сильнѣе оттѣнить то новое, къ чему мы васъ зовемъ...

Это новое есть дѣло соціальной справедливости, дѣло торжества издавна попираемыхъ, доселѣ непризнанныхъ правъ! Это новое—призывъ работниковъ умственнаго труда къ самосознанію, къ выявленію своихъ жизненныхъ классовыхъ интересовъ, къ установленію реальныхъ, соотвѣтствующихъ значенію и достоинству класса, способовъ ихъ защиты.

Донынѣ интеллектуальный пролетаріатъ оставался общественной группой, упорно и слѣпо непонимавшей своей классовой природы, не знавшей, подъ одурманивающимъ вліяніемъ подачекъ, своего истиннаго мѣста въ жизни, истолковывавшей самое себя въ сфинксъ, надѣлявшей себя десятками полуироническихъ, полупрезрительныхъ кличекъ...

Героизмъ, фанатическая преданность «идеѣ» и «дѣлу», самопроституированіе своеобразно переплелись въ этомъ единственномъ, не имѣющемъ себѣ подобныхъ, соціальномъ шествіи интеллектуальнаго пролетаріата. Это шествіе было устлано тысячами труповъ, какъ были залиты кровью дороги и промышленнаго пролетаріата. Но жертвы эти были необходимы. Онѣ, открыли, наконецъ, глаза, онѣ указали пути къ освобожденію.

Когда-то Каутскій, говоря о неизбѣжности пролетаризаціи интеллектуальнаго труда, ставилъ вопросъ: придетъ-ли процессъ развитія къ тому, что интеллигенція встанетъ всей массой на защиту борющагося пролетаріата, а не въ лицѣ ея отдѣльныхъ представителей?.

Да! Этотъ моментъ пришелъ. И трудовая интеллигенція не только «встанетъ на защиту борющагося пролетаріата», она сама заявитъ себя пролетаріатомъ и, отбросивъ свой традиціонный сентиментализмъ и навязанныя ей замашки благотворительности, во всеуслышаніе объявитъ свою классовую волю.

Она не захочетъ быть «чѣмъ-нибудь», какъ мечтало нѣкогда революціонное «третье сословіе» XVIII-го вѣка. Она знаетъ, какую силу творческаго генія, полнаго смѣлости и

---

*) Фрагмевты рѣчи, произвесенной въ Учредительномъ Собраніи «Федераціи Союзовъ работниковъ умственнаго труда» 11-го апрѣля 1917 г.

напряженности, внесъ интеллектуальный пролетаріатъ въ окружающій насъ міръ—міръ мысли и міръ вещей. И она потребуетъ въ немъ своей доли, потребуетъ все то, что принадлежитъ ей по праву, по всей силѣ человѣческаго разумѣнія и человѣческой совѣсти.

Въ этомъ стремленіи къ самоосвобожденію ей не должны быть страшны никакія препоны. Ибо нѣтъ возраженій, которыя могли бы быть ей противопоставлены.

Утверждаютъ, что интеллектуальный пролетаріатъ не есть классъ, что онъ представляетъ собой совокупность разнородныхъ «свободныхъ профессій», не имѣющихъ общей экономической основы, общаго источника дохода, а потому навсегда обреченныхъ на аморфность, на своеобразный соціальный паразитизмъ—«приживальчество».

Но прежде всего, есть ли въ настоящее время установленное, общепризнанное пониманіе общественнаго класса?

Оставляя въ сторонѣ отдѣльные фрагменты такихъ опредѣленій, разсыпанные у физіократовъ съ Кенэ во главѣ, у Смита, у раннихъ англійскихъ соціалистовъ въ лицѣ В. Годвина, Ч. Голла, В. Томсона и др*)., въ трудахъ научнаго соціализма мы встрѣчаемся впервые съ той законченной формулировкой, которая господствуетъ еще и въ наше время.

Правда, самъ Марксъ не далъ намъ ученія о классѣ. 52-я и послѣдняя глава третьяго тома «Капитала», посвященная интересующей насъ проблемѣ, обрывается въ началѣ. Смерть помѣшала Марксу закончить его трудъ. Но блестящія характеристики отдѣльныхъ классовъ въ историческихъ этюдахъ Маркса послужили матеріаломъ, изъ котораго эпигоны его и Энгельса выстроили понятіе общественнаго класса и ихъ дѣленіе.

Можемъ ли мы признать его достаточнымъ? Я думаю, что нѣтъ. Оно требуетъ редикальнаго пересмотра.

Можно ли уложить все современное общество въ рамки трехчленнаго дѣленія? Нѣтъ. Жизнь сильнѣе всякихъ схемъ и всякой логики. Классификація, пригодная для одной исторической эпохи, можетъ быть отвергнута или признана неполною другой. Взгляните, въ какихъ безпомощныхъ тискахъ бьется мысль Каутскаго, когда онъ въ своемъ популярномъ соціалистическомъ Vademecum'ѣ—«Эрфуртской Программѣ» переходитъ къ выясненію соціальныхъ позицій «интеллигенціи». Налицо всѣ признаки ея неизбѣжной пролетаризаціи—систематическое паденіе цѣнъ на продуктъ интеллигентскаго труда,

---

*) Концепціямъ общественнаго класса и классовой борьбы удѣлено много мѣста сенъ-симонистами. О классѣ говорятъ Консидеранъ, Пеккеръ, Бюре, Л. Бланъ, Прудонъ, ученые идеологи буржуазіи, въ родѣ Гизо или Л. Штейна.

обезцѣненіе знанія, образованіе огромной резервной арміи безработныхъ интеллигентовъ и пр. И... между тѣмъ, интеллектуальному пролетаріату отказывается въ томъ, чтобы онъ могъ имѣть классовое самосознаніе, за нимъ не признается права или возможности образовать классъ или подклассъ общей пролетарской арміи.

Но, если ранѣе интеллектуальный пролетаріатъ могъ или долженъ былъ мириться съ оскорбительной ролью «картофеля въ мѣшкѣ», то нынѣ онъ сбрасываетъ съ себя ярмо чужихъ идеологическихъ выдумокъ. И какія бы страшныя послѣдствія ни происходили отъ нарушенія логической стройности отдѣльныхъ формулъ, онъ свои жизненные реальные интересы ставитъ выше ихъ и заявляетъ свою классовую волю, не нуждаясь въ постороннихъ полномочіяхъ.

Говорятъ, что въ интеллектуальномъ пролетаріатѣ есть разнородные слои. Но пусть назовутъ хотя одинъ общественный. классъ, по своей структурѣ, гомогенный?

Развѣ мы не знаемъ, какіе противорѣчивые интересы раздираютъ классъ капиталистическій? Развѣ всегда и во всемъ совпадаютъ интересы аграріевъ и промышленныхъ капиталистовъ? Кто не знаетъ глубочайшихъ антагонизмовъ между торговымъ, промышленнымъ и банковымъ или денежнымъ капиталомъ? Почитайте протоколы торгово-промышленныхъ съѣздовъ или спеціальныя анкеты такой развитой въ капиталистическомъ смыслѣ страны, какъ современная Германія, и вы услышите то вопли торговаго капитализма противъ узурпаторскихъ поползновеній промышленнаго, то жалобы послѣдняго на порабощеніе банковымъ капиталомъ. Крупное германское землевладѣніе Германіи уже давно кричитъ о невыносимой тираніи банковъ. А какая непримиримая, безпощадная борьба идетъ въ любой формѣ капитала между крупнымъ и мелкимъ предпріятіемъ!

А антиподъ капиталистическаго класса—классъ рабочій, развѣ онъ не знаетъ разрывовъ въ своей средѣ? И здѣсь—въ рабочемъ классѣ есть своя аристократія, свой отборъ, есть просто квалифицированные рабочіе, есть, наконецъ, чернорабочіе. Мы знаемъ отвратительныя и безстыдныя формы эксплоатаціи однихъ категорій рабочихъ другими, вызывающія образованіе союзовъ рабочихъ противъ рабочихъ же. Борьба рабочаго союза «котельщиковъ и судостроителей» съ ихъ «помощниками» въ англійскомъ трэдъ-юніонизмѣ можетъ служить классической иллюстраціей подобнаго порядка вещей. Мы знаемъ также борьбу «красныхъ» съ «желтыми» и знаемъ, какія острыя формы она принимаетъ по мѣстамъ (напр., во Франціи).

Такъ и интеллектуальный пролетаріатъ имѣетъ свои «верхніе десять тысячъ» и свои демократическіе низы. И въ «интел-

лектуальномъ пролетаріатѣ» можетъ идти и идетъ борьба между интеллигентами-эксплоататорами и интеллигентами-пролетаріями. Это не препятствуетъ образованію въ наши дни огромныхъ интеллектуальныхъ пролетарскихъ кадровъ, пришедшихъ къ сознанію, что они—не только «классъ для себя», но и «классъ для «другихъ», полагающихъ своей основной классовой задачей—обобществленіе орудій и средствъ производства интеллигентскаго продукта и борющихся, такимъ образомъ, въ своемъ планѣ, подобно промышленному пролетаріату, противъ самыхъ основъ капиталистическаго строя.

Намъ говорятъ, что мы несемъ расколъ?

Да! Мы несемъ войну, не миръ. Но развѣ революціонный классъ выступалъ когда-либо съ утвержденіемъ гармоніи? Развѣ промышленный пролетаріатъ не несетъ съ собой раскола? Этотъ расколъ—есть то новое, творческое, что преобразуетъ міръ, что на мѣсто обветшавшихъ цѣнностей ставитъ новыя, высшія, что приближаетъ насъ къ грядущему царству свободы и радости!

И не войны, не открытаго разрыва съ капиталистическимъ міромъ долженъ бояться интеллектуальный пролетаріатъ, но нерѣшительности, двусмысленнаго мира, сомнительныхъ союзовъ! Замкнутый въ свои классовыя организаціи, онъ долженъ отбросить всякое политиканство, всѣ средостѣнія.

И Федерація, въ которую мы зовемъ слиться профессіональные союзы интеллектуальнаго труда, должна быть боевой, революціонной, классовой, аполитичной. Члены ея автономны. каждый воленъ исповѣдывать свои религіозныя политическія, научныя убѣжденія; каждый воленъ примыкать къ своему политическому толку. Но сама федерація—внѣ политики, какъ накакія программы внѣ государства. Она лицомъ къ лицу съ капиталистическимъ міромъ. И никакая идеологія, ей не могутъ быть навязаны извнѣ—ея духъ родится изъ движенія.

Средства ея борьбы—классовыя, открытое революціонное дѣйствіе: бойкотъ, стачка пусть не говорятъ интеллектуальному пролетаріату, что онъ, созидающій высшія культурныя цѣнности, долженъ беречься революціонныхъ выступленій, долженъ хранить «культурныя традиціи». Это—голосъ лжи и лицемѣрія». Не было ни одного переворота, ни одной революціи, которыя бы не пытались остановить суевѣрными страхами разрушенія культуры. Въ исторіи рабочаго движенія не разъ сторонники рутины и реакціи пытались опустить поднявшіяся руки воплями о мнимомъ вандализмѣ. И спасали себя, водворяя экономическое рабство, порабощая творческій-разрушительный духъ.

Культурныя цѣнности не могутъ быть въ себѣ конечной цѣлью. Цѣль—самъ человѣкъ. Цѣли—въ непрерывномъ, безграничномъ развитіи человѣческаго духа. Предъ величіемъ и красотой его свободнаго разрушительнаго творчества блѣднѣютъ всѣ прошлыя его завоеванія.

Убивая—творить, обновлять!
Съ ненасытной природой вонзать
Зубы въ святую мишень,
Въ великій безуміемъ день
Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая—творить, обновлять! *)

Такъ творчество родится въ разрушеніи, смерти, въ дѣйствіи.

Судъ исторіи идетъ въ грозѣ и бурѣ, а не въ торгашескомъ плащѣ. И когда откроютъ двери, политическія «bonnes à tout faire» найдутъ время для закрѣпленія обывательскихъ позицій...

Интеллектуальный пролетаріатъ, подобно брату своему и союзнику—пролетаріату промышленному, долженъ быть вѣренъ своему революціонному призванію. Свободный отъ лицемѣрныхъ страховъ за настоящее, онъ долженъ слушаться своего классоваго инстинкта, вѣрить въ свои творческія силы. Сокрушая все пресмыкающееся, все паразитическое, онъ утвердитъ себя, свое право, свою свободу!

Алексѣй Боровой.

---

*) Verhaeren. Les villes tentaculaires.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ НЕИЗДАННОМУ СБОРНИКУ.

(Написано до войны).

О, родина моя! О, мать моя святая
Тебѣ я посвятилъ мой одинокій трудъ,
Съ благоговѣйными слезами припадая
Къ звенящимъ кандаламъ твоихъ желѣзныхъ путъ.
О, Русь великая, ты сдавлена нуждою.
Ты обезчещена—чужимъ тебѣ—кнутомъ,
Но ты идешь—невѣдомой тропою
И падаешь отъ мукъ въ пути своемъ святомъ.
Смиренная, покорная, слѣпая
Ты подымаешься, какъ грозный океанъ,
И въ даль грядешь, препоны размывая,
То море слезъ, то кровь глубокихъ ранъ.
И ты идешь, идешь: ни бредъ безумства власти
Ни сѣти лжи, ни лесть твой путь не преградятъ—
Все побѣдятъ, о Русь, твои святыя страсти.
Ужъ много пройдено, лишь оглянись назадъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь. Ты выйдешь къ солнцу, къ свѣту
Ты кончишь свой терновый, крестный путь
Къ побѣдѣ, къ радости ведетъ онъ, вѣрь поэту
Гляди впередъ, отшедшее забудь.
И вижу я тебя, вѣнчанною побѣдой
Побѣдою надъ гордостью людей.
Ты о страстяхъ своихъ минувшихъ все повѣдай,
И міръ преклонится предъ повѣстью твоей.
Провижу я великое терпѣнье:
Предъ свѣтлой радостью грядетъ великій Судъ.
Прими жъ, прими мое благословенье:
Мой одинокій, мой любимый трудъ.

Sphinx

НѢТЪ БОЛЬШЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ!

Я помню одинъ эпизодъ изъ борьбы русскаго народа противъ смертной казни. Это было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ на второмъ съѣздѣ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. Предстояла казнь возставшихъ матросовъ. Одинъ изъ участниковъ съѣзда предлагалъ съѣзду требовать отъ правительства помилованія возставшихъ съ угрозою, что когда народъ встанетъ у власти, онъ сумѣетъ перевѣшать палачей стараго режима. Одну минуту казалось, что это предложеніе *отмѣны* казни и *угрозы* казнью будетъ принято собраніемъ. Но это казалось лишь одну минуту. Громомъ аплодисментовъ встрѣтилъ съѣздъ горячій призывъ другого оратора: «мы можемъ убить врага въ борьбѣ, но побѣжденнаго—никогда! Когда мы станемъ у власти, мы будемъ чисты отъ крови: на насъ не будетъ ни одной ея капли, мы сумѣемъ обойтись безъ палачей!»

Эти слова, казавшіяся тогда несбыточной мечтой идеалиста-фантазера, были пророческими: мы, народъ, у власти и на насъ нѣтъ ни одной капли крови казненныхъ, у насъ больше нѣтъ смертной казни.

Безпримѣрный въ исторіи человѣчества политическій переворотъ, сумѣвшій въ три дня низвергнуть старый строй и въ три же дня заложить фундаментъ новаго, поднялъ насъ на неизмѣримую нравственную высоту.

Растворяя двери казематовъ, гдѣ были заживо похоронены наши борцы, встрѣчая ихъ, сгноенныхъ, въ далекой ссылкѣ, видя ихъ тѣла, еще трепещущія на висѣлицахъ, народъ-побѣдитель отмѣнилъ смертную казнь. И отмѣнилъ безъ всякихъ ограниченій и навсегда.

Никогда и нигдѣ ни у одного народа борьба противъ смертной казни не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Россіи XX вѣка: союзы, митинги, научныя общества, случайныя собранія, всѣ органы періодической печати, литературныя силы—всѣ слились вмѣстѣ подъ лозунгомъ: «долой смертную казнь»! Государственная Дума перваго созыва единогласно принимаетъ проектъ отмѣны смертной казни. Изъ Ясной Поляны раздается, какъ громъ небесный, «не могу молчать», а въ отвѣтъ на вопль народа—новые залпы карательныхъ отрядовъ правительства, новые военно-полевые суды, новыя висѣлицы, вакханалія смертной казни. За одинъ 1908 г. въ Россіи было казнено болѣе, чѣмъ въ 32 государствахъ и колоніяхъ міра и въ 21 разъ больше, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ

вмѣстѣ взятыхъ. Но царскому правительству и этого было мало: къ казнямъ по суду надо было еще добавить казни безъ суда. Въ 1906 г. 3, 4 и 18 января по распоряженію Варшавскаго генералъ-губернатора было разстрѣлено безъ всякаго суда шестнадцать человѣкъ въ возрастѣ отъ 15 до 21 года. Въ своихъ объясненіяхъ Сенату губернаторъ оправдывалъ разстрѣлъ безъ суда отсутствіемъ уликъ, достаточныхъ для осужденія судомъ этихъ убитыхъ имъ дѣтей и юношей, Сенатъ стараго правительства не смогъ прійти къ рѣшенію законны ли или беззаконны эти разстрѣлы *). Николай II не зналъ пощады и щедро награждалъ палачей въ родѣ Варшавскаго генералъ-губернатора, полковника Мина, Римана... Какъ безпредѣльна высота нашего нравственнаго подъема, если мы все же сумѣли подавить въ себѣ чувство рвущагося негодованія и дать человѣчеству смѣлый примѣръ борьбы съ преступностью безъ смертной казни въ дни войны и политическаго переворота.

Мих. Гернетъ.

ТВОРЧЕСКІЙ ДУХЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Революція—это открытая арена борьбы классовыхъ силъ, и длиться она будетъ, пока не упразднитъ всѣхъ остатковъ прежняго обветшалаго, на чемъ строилъ свое господство старый порядокъ. И движеніе революціи въ ширь заключается въ томъ, чтобы ввести на эту арену всѣ силы общества, дать классамъ полный просторъ для состязанія за право первенства въ ближайшемъ политическомъ устройствѣ страны. Глубина революціи въ обнаруженіи, въ выявленіи истиннаго разрушителя старыхъ цѣнностей, истиннаго ликвидатора прошлаго, да и не только старыхъ, но и старѣйшихъ цѣнностей, умѣющихъ искусно прикрыться новизной, надѣвающихъ на себя личину безпристрастныхъ работниковъ въ дѣлѣ политическаго строительства страны. И пусть революція длится, длится, лишь бы скрѣпила она своею печатью упраздненія все то, что было въ центрѣ и концентрахъ, что носило эмблемы и стяги стараго. Чѣмъ революція глубже, тѣмъ очистительнѣе творитъ она свое дѣло на весь міръ.

Кто же въ этихъ нѣдрахъ революціоннаго вулканизма—истинный очиститель, подлинный революціонеръ, какъ не тотъ,

---

*) См. подробности у меня: «Смертная казнь» М. 1913, 55—56 стр.

кому «нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей»—пролетаріатъ интеллектуальный и физическій? Самый жизнеспособный онъ, потому что въ немъ—производительная сила общества. Самый творческій онъ, потому что создаетъ своею жизненной энергіей будущее человѣчество. Самый человѣчный онъ, потому что призванъ грядущую жизнь построить на упраздненіи классовой борьбы. И всякій политическій строй, какъ буржуазный, онъ будетъ преодолѣвать, ради будущаго безклассоваго, производительнаго человѣческаго общежитія. Но и всякій этапъ, приближающій къ послѣднему, онъ будетъ привѣтствовать. Истинный революціонеръ,—пролетаріатъ, указываетъ на единственный прямой путь революціи—открытое сраженіе классовъ, которое выиграетъ лишь тотъ, у кого крылья не подрѣзаны революціоннымъ духомъ, кто, «взявшись за плугъ, не оборачивается назадъ», но устремляется къ эрѣ, съ которой начнется исторія Бытія Человѣчества.

Въ движущейся революціи борющіяся силы призваны выявить демократическое взаимоотношеніе вещей, уравнять политически классы общества подъ этикеткой партіи, но одному лишь пролетаріату подъ силу задача сорвать съ алчущихъ господства партій маску благочестивой политики безпристрастія. Пролетаріатъ доказываетъ, что верховенство народа при демократической республикѣ есть личина, въ которую старается закутать свое господство буржуазія. Послѣдняя стремится одурманить людей полетическимъ равенствомъ, скомкать въ словѣ «народъ»борющіеся классы. Но республика—ближайшій этапъ къ истинному народовластію, или, лучше сказать въ верховенству человѣчества, потому-то рабочій классъ и борется за наиболѣе совершенный типъ республики, и еще потому что онъ—истинный революціонеръ.

Въ процессѣ революціи онъ борется за демократическую республику безкорыстно—вѣдь, не соціалистическій же это строй, гдѣ нѣтъ классовой основы существованія, а, въ силу своего безкорыстія, онъ лучшій, истинный вождь революціи. Онъ—эстетическій революціонеръ. И всѣ, кто не съ нимъ,—противъ него, ибо чувствуютъ либо свою вражду къ нему, либо не понимаютъ себя.

Рѣшительно зоветъ онъ всѣ производительные классы обнаружить себя въ революціи. Онъ вскрываетъ силою своего революціоннаго пыла истину бытія каждаго класса. Въ грохотѣ падающихъ цѣнностей онъ заставляетъ улавливать аккорды будущей послѣдней, соціальной революціи. И кому не подскажетъ сознаніе и у кого не встрепенется чувство радости, различая въ этомъ шумѣ созвучіе творчески-производительныхъ силъ? Всякій истинно-творческій организмъ, какъ производительная сила, обнаруживаетъ себя въ этомъ процес-

сѣ революціи, поскольку онъ, этотъ организмъ, революціоненъ, поскольку сознаетъ себя призваннымъ стоять въ рядахъ созидающаго цѣнности класса.

Интеллигентъ долженъ сознать себя въ эту пору стоящимъ въ рядахъ пролетаріата, иначе онъ не производительная сила, иначе онъ призванъ играть роль личины, въ которую облекаются классы, стремящіеся захватить господство при демократическомъ равенствѣ. Тотъ художникъ, поэтъ, музыкантъ, артистъ призванъ быть производительной силой, кто срываетъ обольщающую мишуру съ цѣнностей прежняго, кто изъ лоскутьевъ стараго не станетъ тачать одежды революціонера, ибо Революція скажетъ: «если ты боишься меня, я знаю, кто ты».

Кто творилъ для частнаго, у того богъ былъ обезьяной, ибо улавливалъ и запечатлѣвалъ онъ мимику дрессирующаго поработителя. Всякій, называвшій себя творческой силой, служа частному интересу, по существу, лишь подражатель, актеръ-мимъ, ибо старался воплотить въ качество цѣнности моментъ частнаго отношенія, стремился ко «всеобщему признанію его творчества» среди господствовавшихъ, замаскировывая «всеобщностью» этого признанія интересъ только господствующаго класса и, вмѣстѣ, поддерживалъ господство этого класса своей «славой» созидателя художественной цѣнности. Развѣ такой творецъ можетъ стать въ ряды революціи, сбросить съ себя лживую славу художника? Цѣнность его въ ряду цѣнностей старѣющаго класса—нежизненнаго, не творческаго паразита и обманщика революціи.

Духъ такого паразита не паритъ въ порывѣ, не революціонизируетъ жизни, не динамиченъ, а косенъ, статиченъ и пошлъ, ибо укрѣпляетъ изжитое, отражаетъ лишенное жизни въ обманчивомъ обольщеніи бытія, замѣщаетъ біеніе жизни—суррогатомъ покоя и довольства.

Не пригоденъ тотъ для революціи, кто считаетъ себя призваннымъ отражать ея движеніе, но лишь тотъ революціонеръ, кто самъ творитъ ее въ процессѣ разрушенія старыхъ цѣнностей. Въ кипѣніи массовой воли, въ клокотаніи душъ, полагающихъ себя за другихъ, истинный творецъ найдетъ приложеніе своимъ революціоннымъ силамъ, если станетъ участникомъ этой творческой работы.

А это истинно-творческая работа, ибо она безкорыстна, ибо главную роль въ ней играетъ искренность. Отсюда эмоціональный характеръ революціонной работы творческихъ силъ. И это лучшая атмосфера для творца, ибо имъ можетъ руководить лишь его жизнебогатая интуиція. Его художественные замыслы родятся, помимо его намѣреній, помимо его усилій, вопреки его приспособленію къ кому-то и къ чему-то. Поистинѣ, изъ

своего революціоннаго духа онъ могъ бы родить «танцующую звѣзду», выражаясь устами Заратустры.

Въ революціонный періодъ долженъ ясно и опредѣленно обнаружить свою крѣпкую спаянность пролетаріатъ художественнаго труда съ пролетаріатомъ физическаго, и безкорыстный творецъ красоты революціоннаго духа и безкорыстный вождь революціи должны, упраздняя остатки стараго строя и срывая маски политическаго благочестія съ эксплуататорскихъ классовъ, устремлять движеніе производительныхъ силъ народа къ той порѣ, когда, разбивъ, въ послѣдней соціальной революціи, послѣднія оковы класса поработителя и послѣднія скрижали буржуазныхъ цѣнностей, настоящее человѣчество откроетъ первую страницу своей подлинной исторіи.

С. Лопашовъ.

ГИЛЬДІЯ СВ. ЛУКИ.

(*Всероссійскій Союзъ Художниковъ.*)

Милле продалъ «Angelus» за 5 франковъ, а послѣ его смерти онъ былъ перепроданъ въ Америку за 500 тысячъ франковъ. Это типичный образецъ возрастанія цѣнности художественныхъ произведеній.

Художникъ получаетъ самую малую часть исторической цѣнности своего произведенія, а между тѣмъ онъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ подымаетъ рыночную цѣнность всего имъ сдѣланнаго ранѣе. Выявляющаяся цѣнность обогащаетъ только перекупщиковъ, минуя самого художника. Было бы справедливо, чтобы онъ имѣлъ свою долю въ этомъ возрастаніи цѣнности, въ видѣ процентнаго отчисленія въ его пользу съ чистой прибыли съ каждой перепродажи его произведеній.

Подобный законъ уже проектировался во Франціи, но проведеніе его было затруднено отсутствіемъ регистрирующаго продажу органа.

Поэтому для регулированія экономическаго положенія художниковъ необходимо созданіе такого рода союза или ГИЛЬДІИ, которая взяла бы на себя законодательное проведеніе такого закона о собственности и надзоръ за осуществленіемъ его.

Но этого мало:

Цѣнность художественнаго произведенія сразу повы-

шается послѣ смерти художника и продолжаетъ расти многими десятилѣтіями соотвѣтственно его славѣ.

Отсюда необходимость создать такую художественную ГИЛЬДІЮ, которая позволила бы черезъ головы «дюранъ-рюэлей» отвести отъ этой растущей въ вѣкахъ цѣнности струю, которая питала бы молодое растущее искусство.

Возстанавливая освященное европейской исторіей имя, мы называемъ этотъ союзъ «ГИЛЬДІЕЙ СВ. ЛУКИ».

ЗАДАЧИ ГИЛЬДІИ СВ. ЛУКИ.

Заставить старое классическое искусство питать собою крайніе молодые ростки новаго проростающаго искусства.

Для этого:

1) Гильдія беретъ на себя проведеніе закона о процентномъ отчисленіи съ нарастающей цѣнности картины, взимая при каждой перепродажѣ 20% въ пользу художника при его жизни, въ пользу его наслѣдниковъ въ теченіе 30 лѣтъ послѣ его смерти, въ исключительную пользу Гильдіи по истеченіи этого срока.

2) Гильдія беретъ на себя всю неизбѣжную работу по регистраціи художественныхъ произведеній своихъ членовъ, слѣдитъ за переходомъ ихъ изъ рукъ въ руки, скрѣпляетъ нотаріально каждую перепродажу.

При этихъ условіяхъ въ рукахъ ГИЛЬДІИ черезъ столѣтіе уже скопляются громадные капиталы и она образуетъ громадный художественный кооперативъ, устраняя постепенно перекупщиковъ картинъ и торговцевъ.

Важно такъ обставить дѣйствія ГИЛЬДІИ, чтобы она не могла превратиться въ базаръ ходового художественнаго товара, къ чему, къ сожалѣнію, имѣетъ склонность всякая дѣловая художественная организація, а дѣйствительно обращала избытокъ своихъ средствъ на поддержку революціоннаго еще непризнаннаго ни публикой, ни рынкомъ искусства, и на объединеніе всѣхъ искусствъ, имѣющихъ отношеніе къ устройству человѣческаго жилища.

Для этого необходимо установленіе правильнаго взгляда на способъ и сущность художественнаго заказа.

О ЗАКАЗѢ.

Въ искусствѣ цѣнны только крайности: или крайнее новаторство, или крайній консерватизмъ, доведенный до полноты художественнаго совершенства.

Цѣненъ Сезаннъ, цѣненъ Энгръ. Но все среднее, что лежитъ между ними, нецѣнно для развитія искусства.

Если вопросъ о художественной цѣнности рѣшается коллегіально посредствомъ жюри, то оно неизбѣжно приходитъ къ рѣшенію компромиссному, то-есть отметая крайности, останавливается именно на среднемъ.

Къ этому приводятъ обычно всѣ офиціальныя и частныя комиссіи для покупки картинъ и раздачѣ заказовъ.

Между тѣмъ талантливый заказъ—это высшій импульсъ искусства... Творческія эпохи искусства создавались благодаря геніальнымъ заказамъ отдѣльныхъ лицъ. Можно утверждать, что высокій Ренессансъ былъ созданъ по заказу банкирскаго дома Медичисовъ. Въ нашемъ искусствѣ мы знали тоже талантливыхъ заказчиковъ, какъ Дягилевъ или С. И. Мамонтовъ, который заказалъ и Шаляпина, и Врубеля, и Римскаго-Корсакова...

Основнымъ свойствомъ таланта этихъ заказчиковъ было то, что цѣлью заказа являлось не произведеніе, а самъ художникъ.

Они интуитивно угадывали, что нужно отъ искусства потребовать и умѣли заказать то, что художникъ самъ не успѣлъ сознать въ себѣ.

Такихъ людей своей эпохи художники должны отыскивать и привлекать къ творческой дѣятельности въ гильдіи.

Обычно въ исторіи искусства личное богатство являлось необходимымъ условіемъ проявленія творчества заказчика, но люди, обладающіе этимъ даромъ, могутъ и не обладать средствами. Мы видали примѣры этому въ иныхъ областяхъ искусства. Въ области литературы таковъ былъ Дидро, раздававшій темы друзьямъ, заказавшій Руссо философію естественности. Гильдія св. Луки должна изыскивать такихъ заказчиковъ и давать имъ возможность осуществлять свою инициативу.

Въ такихъ инициативныхъ воляхъ нуждаются въ настоящую эпоху не столько живописцы, сколько архитектора.

Такъ какъ сами художники естественно бываютъ раздѣлены на партіи, то для поддержки единства они привлекаютъ къ управленію Гильдіей и художественныхъ критиковъ, историковъ, хранителей музеевъ, т.-е. людей болѣе широкой терпимости и практичности.

Художники въ Гильдіи группируются по выставочнымъ группамъ такъ, чтобы каждая представляла собою особое художественное направленіе. Тѣмъ группамъ, которыя по своему художественному направленію сходны, предлагается объединиться въ одну.

Каждая группа состоитъ изъ трехъ іерархій:

1) Учениковъ: худ. нерегулярно участвующихъ въ выставкахъ.

2) Подмастерьевъ: членовъ выставочной группы.

3) Мастеровъ: худ. выбранныхъ каждой группой, какъ ея идейныхъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Мастера каждой группы выбираютъ изъ своей среды по одному распорядителю въ совѣтъ мастеровъ-распорядителей. Эти же мастера, число которыхъ опредѣляется числомъ выставочныхъ группъ, кооптируютъ въ равномъ себѣ количествѣ мастеровъ не художниковъ изъ числа художественныхъ критиковъ, дѣятелей, историковъ искусства, хранителей музеевъ и коллекціонеровъ, чтобы они были уравновѣшивающимъ началомъ, примиряющимъ неизбѣжную партійную рознь.

Въ свою очередь этотъ совѣтъ мастеровъ-распорядителей избираетъ совокупно группу мастеровъ-зачинателей изъ числа тѣхъ, кто въ настоящую эпоху является, по ея мнѣнію, наиболѣе одаренными геніемъ художественнаго заказа. Этой группѣ поручается выработка и разработка художественныхъ предпріятій гильдіи, но выполненіе ихъ поручается всегда одному лицу со всей полнотой свободы заказа*).

Максимиліанъ Волошинъ.

ПОЗИЦІИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО ТРУДА.

I.

Въ 1905 году въ Россіи проснулся тотъ духъ, который родился въ глубинѣ событій исторіи Англіи, крестился въ волнахъ войны за освобожденіе и разгорѣлся, наконецъ, гигантскимъ пожаромъ Великой Французской Революціи. Это былъ духъ личной свободы.

Французская революція 89 г. дала въ окончательномъ видѣ тѣ идеи, которыми и до сихъ поръ питаются всѣ революціи. Идейное наслѣдіе ея разрослось и стало глубже, но принципы остались тѣ же. Начиная съ роялизма и кончая бабувистами и гебертистами—таковъ размахъ творческо-формирующихъ идей 89 года.

Наша русская революція — плодъ того же дерева, устремленіе тѣхъ же идеаловъ. Мы и Германія были послѣд-

---

*) Практическимъ руководителемъ всѣхъ дѣлъ Гильдіи и зачинателемъ ея является Конст. Вас. Кандауровъ (Б. Дмитровка 9). Къ нему надлежитъ обращаться за всѣми разъясненіями.

ними оплотами отживающаго быта въ борьбѣ съ наиболѣе широкими идеями 89 г., въ томъ числѣ съ идеей федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ Европы и всеобщаго мира.

Въ 1905 году впервые крылья духа свободы распростерлись надъ Россіей.

И тогда впервые духъ русской свободы бросилъ свой широкій посѣвъ на ниву народнаго быта. Посѣвъ этотъ взошелъ теперь въ бытѣ и бытъ совершилъ вторую русскую революцію. И потому что это — бытъ, вторая революція проходитъ такъ дружно, неудержимо, такъ покойно и сознательно, именно потому въ ней меньше энтузіазма, меньше идейнаго творчества.... Идетъ творчество новаго быта...

Область соціально-экономическихъ отношеній—вотъ поле предстоящихъ великихъ боевъ, ибо не надо закрывать глаза: интересы уже намѣтились, аппетиты опредѣлились и въ настоящій моментъ подъ корой внѣшняго единства, еще прочнаго боязнью реакціи, кипитъ лихорадочная организаціонная работа, готовятся кадры тѣхъ армій, которыя выступятъ скоро для безпощадной борьбы за власть...

Таковъ фактъ, и отрицать его—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность, трусливо прятать голову въ песокъ передъ уроками жизни и исторіи.

Но какова бы ни была борьба, каковы бы ни выдвигались устремленія, передъ представителями интеллектуальнаго труда стоятъ общія задачи, ихъ соединяютъ общіе интересы, они всѣ объединяются единой экономическо-соціальной основой. Они всѣ работники на нивѣ общечеловѣческой культуры и это должно дать общую для всѣхъ нихъ форму устремленій.

Пусть эти устремленія различны, но да будетъ для всѣхъ нихъ культурная форма, культурная,—въ ея лучшемъ смыслѣ. Духъ, родившій бытъ, да не разрываетъ единенія съ нимъ, облагораживая его порывы во имя человѣчности.

Но теперь передъ нами еще болѣе отвѣтственный долгъ—долгъ воспитанія массы,—пріобщеніе ея культурѣ и духу. Однако соціальная педагогика не то, что школьная педагогика. Только въ тѣсномъ единеніи и непосредственной совмѣстной работѣ осуществляются эти задачи...

Школа здѣсь—жизнь и не учителемъ долженъ войти въ нее интеллектъ, а соратникомъ. Только въ дружной совмѣстной работѣ творчества быта, рука объ руку со всей рабочей массой долженъ онъ выступить на поле будущей борьбы и строительства.

А опытъ массовой психологіи учитъ насъ, что масса очень недовѣрчиво относится къ представителямъ интеллектуальнаго труда, считая ихъ, отчасти справедливо, за подголосокъ господствующаго класса. Уходите! Мы не желаемъ васъ слушать!

Вы—слуги капитала, слуги эксплуататора!..—вотъ что приходится слышать имъ.

Увы! До сихъ поръ интеллектуальный трудъ былъ на побѣгушкахъ у господина минуты, минуты хотя бы и длинной. До сихъ поръ интеллектуальный трудъ не созналъ еще себя, какъ самостоятельную силу, какъ господина самого себя! Отсюда: выборъ какого-либо разжирѣвшаго капиталиста или аристократа въ предсѣдатели ученыхъ обществъ, поднесеніе почетныхъ дипломовъ и ученыхъ степеней идіотамъ, если онъ отъ щедротъ своихъ бросилъ подачку на ученыя цѣли!

Интеллектуальный же трудъ долженъ ползать, чтобы добыть себѣ средства на существованіе, на научную работу!!..

Довольно! Пора сознать, что интеллектуальный трудъ есть величайшая сила не только на высяхъ, далекихъ отъ толпы, но и въ самой жизни, въ непосредственномъ ея творчествѣ.

И этого требуетъ сама культура. Тѣ высшія устремленія человѣческаго духа, жрецами которыхъ мы являемся, кричатъ намъ во имя блага всего человѣчества—поднять знамя этого самаго духа, на бѣломъ фонѣ котораго золотыми буквами начертаны великія слова: Истина, Добро и Красота. Но нужно твердо помнить, что реальныя задачи требуютъ и безпощадно реальныхъ средствъ для ихъ осуществленія. Нужно спуститься на черную тяжелую землю, нужно войти въ бытъ и преобразовать его изнутри, а не извнѣ. Нужно брать въ руки кирку и мотыгу быта!.. Нельзя скалу разрушить чистой невоплощенной мыслью. Но скалу разрушитъ мысль, воплотившаяся въ динамитъ, въ машину, однимъ словомъ въ матеріальную форму...

Между тѣмъ ангелы и геніи современной культуры воображаютъ что тихое рѣяніе крылій ихъ духа способно камни обратить въ хлѣбъ!.. Это соціально-политическое дѣтство!..

Итакъ мы должны итти въ бытъ, но какъ?

Интеллектуальный трудъ—есть трудъ.... Подходя къ быту, мы не можемъ въ него вносить критеріи духа, но должны взять ихъ изъ самаго быта. И бытъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: представители интеллектуальнаго труда суть рабочіе, ибо средствомъ ихъ существованія является заработная плата.

Оставимъ сентиментальности, рождающіяся изъ духовной слабости и неувѣренности. Представители труда интеллектуальнаго есть представители труда—и это фактъ. Но разъ такъ, то у нихъ имѣются и экономическія задачи, а не только безтѣлесныя устремленія въ бездны и выси духа... И въ этомъ ихъ сила, т. к. иначе они только парили бы на высотахъ, а жизнь шла бы мимо... — И велика опасность потерять жизнь... Лучшіе профессора отказывались никуда негодными политиками и творцами въ жизни... Стоитъ вспомнить Германскую революцію 48-хъ годахъ.

И вотъ передъ нами стоитъ вопросъ воплощенія духа въ дѣло экономическихъ задачъ...

Между тѣмъ интеллектуальный трудъ въ массѣ совершенно дезорганизованъ, абсолютно не въ состояніи выдвинуть реальную силу, какъ орудіе своихъ требованій... Такой силой можетъ быть только профессіональная организація...

Тѣ, которые думаютъ, что можетъ сыграть роль партія, глубоко ошибаются и только германскими вліяніями въ лицѣ соціалъ-демократической партіи можно объяснить это заблужденіе. — Достаточно безпристрастно вглядѣться въ опытъ настоящей войны, чтобы убѣдиться, то партія является представительницей всегда узко-опредѣленной идеологіи, всегда склонной къ оппортунизму въ его худшемъ смыслѣ... Но даже, оставляя это въ сторонѣ, достаточно указать на то, что партія должна опираться на профессіональную организацію, какъ на реальную основу своихъ требованій.

Профессіональная организація есть единственный путь проникновенія духа въ бытъ, единственное средство воспитанія массы, облагораживанія ея интересовъ, и, съ другой стороны, оживленія и импульсированія духа въ горнилѣ непосредственнаго творчества жизни... Пусть же каждый идетъ въ любую партію, пусть каждый устремляется къ любымъ цѣлямъ, это его личное дѣло и другимъ быть не можетъ....

Но всѣ представители интеллектуальнаго труда должны объединиться въ своихъ профессіональныхъ организаціяхъ, чтобы съ помощью ихъ высоко поднять знамя культуры и духа, а, съ другой стороны, дать реальную опору самому духу...

Итакъ конкретный отвѣтъ таковъ:

1. Устройство профессіональныхъ организацій интеллектуальнаго труда.
2. Делегированіе въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.
3. Выработка общей классовой платформы.
4. Созывъ Союза Союзовъ (Федераціи).

Профессіональная организація есть та бытовая ячейка, та клѣточка соціальной жизни, единственно черезъ которую можетъ воплотиться всякое творчество, не путемъ навязыванія организаціи инертной, постоянной политической платформы, а игрой свободныхъ, индивидуальныхъ силъ, спаянныхъ единствомъ классовыхъ стремленій.

Только конкретная профессіональная организація, какъ культурная ячейка быта, сумѣетъ сказать свое властное слово въ минуту раздора, только Союзъ Союзовъ профессіональныхъ организацій сумѣетъ наложить veto на оргіи насилій, которыя готовитъ жизнь, которыя предвѣщаютъ уже кое-какія ласточки. Что можетъ сдѣлать шатающійся интеллигентъ со всѣми своими хорошими идеями, когда его не желаютъ

слушать. Но учителя, враги, инженеры etc., организованные въ профессіональные союзы,—есть сила. О, тогда... Тогда мы поговоримъ!..... И насъ послушаютъ!.. Да еще какъ!.. Ну-ка, если врачъ не пойдетъ къ больному, инженеръ къ машинѣ, учитель закроетъ школу? Если взбунтовались матросы, ихъ вѣшаютъ, если взбунтовались пассажиры, повара или лакеи—ихъ бросятъ въ воду, но если въ узкомъ фарватерѣ во время шторма станетъ бунтовать лоцманъ, ему подчинятся, скрежеща зубами!

А. Солоновичъ.

ЭТЮДЫ О КЛАССОВОЙ ПРИРОДѢ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

I.

Классовый характеръ интеллигенціи впервые съ яркостью былъ вскрытъ въ современную намъ капиталистическую эпоху.

Въ феодальномъ мірѣ интеллигенція представляла изъ себя однородную массу; объ одинаковомъ ея положеніи какъ въ производственномъ, такъ и распредѣлительно-потребительскихъ процессахъ жизни можно говорить почти безъ оговорокъ. И это положеніе было чисто трудовымъ.

Въ то время интеллигентъ былъ тѣмъ, что теперь обозначается терминомъ «ремесленникъ».

Обладая орудіями труда и прилагая свой трудъ къ нимъ, онъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ одновременно и рабочаго, и предпринимателя, и «слугу и хозяина». Писатель въ одно и то же время былъ издателемъ и наборщикомъ; докторъ, владѣя несложными инструментами своей спеціальности, былъ сущимъ труженикомъ, совмѣщавшимъ въ своемъ лицѣ обязанности фельдшера, аптекаря и сидѣлки; учитель, обучая дѣтей въ своей школѣ, олицетворялъ въ себѣ одномъ весь современный учебный персоналъ отъ директора и инспектора до гимназическаго педеля включительно; странствующій съ ящикомъ куколъ или дрессированныхъ крысъ комедіантъ былъ въ одно и то же время антрепренеромъ и режиссеромъ и самъ же авторомъ и главнымъ исполнителемъ своихъ театральныхъ представленій; музыкантъ, композиторъ и настройщикъ представляли одно цѣлое; то же самое нужно сказать о художникахъ, проповѣдникахъ и ученыхъ.

Но со времени феодальной эпохи утекло много воды; непроизводительный трудъ пережилъ съ тѣхъ поръ ту же самую эволюцію и дифференціацію, какъ добывающая и обрабатывающая промышленность и подъ вліяніемъ того же процесса капитализаціи. Интеллигентъ ремесленнаго типа, сохранившійся кое-гдѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, не попавшихъ еще въ сферу дѣйствія капитала, на нашихъ глазахъ таетъ, обращаясь какъ въ мгновенныхъ волшебныхъ превращеніяхъ, съ одной стороны, въ тощаго пролетарія, а съ другой—въ сытаго буржуа.

Бѣглаго обзора нѣкоторыхъ областей жизни достаточно для того, чтобы набросать процессъ этотъ въ общихъ чертахъ.

Возьмемъ въ качествѣ иллюстраціи литературный міръ.

Прежній писатель-ремесленникъ, напоминавшій своеобразнымъ классовымъ характеромъ своимъ двуликія фигуры игральныхъ картъ распался на составныя части, выдѣливъ изъ себя литературнаго предпринимателя-издателя, обладающаго капиталомъ и орудіями производства, и интеллигента-пролетарія, журнальнаго сотрудника, переводчика, публициста, репортера, корректора и т. д., принужденныхъ продавать свой трудъ литературному капиталисту.

Примѣръ изъ медицинской сферы. Докторъ одиночка начинаетъ понемногу выводиться. Въ современномъ строѣ его вытѣсняетъ крупная лѣчебница съ электрическими машинами, цѣлебными грязями, дорого стоющими душами, цѣлымъ арсеналомъ хирургическихъ орудій, разными антисептиками и радіактивнымъ фотографированіемъ, недоступными мелкому ремесленнику и дѣлающими его трудъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ современной техники производства, сводящимъ его на положеніе знахаря. Одно уже высокое раздѣленіе труда, существующее въ лѣчебницахъ, губитъ мелкаго производителя скорѣе, чѣмъ промышленная техника. Современный докторъ начинаетъ представлять изъ себя лишь «гайку отъ шестерни» въ медицинскихъ предпріятіяхъ и принужденъ, какъ и рабочій, не только продавать свой трудъ, но зачастую торговать и совѣстью.

Въ педагогическомъ мірѣ этотъ процессъ дифференціаціи тоже почти завершенъ. Здѣсь частныя школы и училища, равно какъ и государственныя гимназіи и университеты съ ихъ «аттестатами и правами» совершенно вывели мелкаго производителя, оставивъ на его долю только репетиторство—это заплатное ремесло для безтолковыхъ головъ буржуазнаго міра.

Говорить ли о мірѣ искусства, гдѣ, какъ въ театральной сферѣ, пролетаріи артисты для обузданія алчныхъ аппетитовъ капитала начали соединяться въ союзы?

Говорить ли о томъ, что театральные труженики, создаю-

щіе своимъ геніемъ и работой гигантскія состоянія антрепренерамъ, сплошь и рядомъ умираютъ въ богадѣльняхъ и подъ заборомъ? что въ то время какъ «рабочая кляча» отправляется на подмостки «пахать» своего Шекспира и тратить мозгъ нервовъ и кровь сердца, жирный предприниматель покойно сидитъ за кассой и считаетъ выручку? сихъ поръ еще для артистокъ, торговля собой остается почти столь же обязательной, какъ и служеніе красотѣ. Такъ капиталъ накладываетъ свою тяжелую, мертвящую руку на самый духъ и направленіе театральнаго искусства.

А религія? Гдѣ апостолы, подпоясанные бичевой? Гдѣ пророки, поучающіе народъ?

Безъ каменныхъ храмовъ, безъ камплавокъ съ бриллiантовыми крестами теперь невозможно отправлять профессіи священнослужителя—будешь, какъ разстрига, запертъ въ монастырской тюрьмѣ.

Въ средѣ ученыхъ и изобрѣтателей, даже геніи попадаютъ въ открытые шлюзы капиталистическаго потока. Нѣтъ уже древнихъ алхимиковъ, сидящихъ на чердакахъ, архимедовъ, чертящихъ свои теоремы на пескѣ—фабрики изобрѣтеній приходятъ имъ на смѣну. Достаточно упомянуть о такихъ учрежденіяхъ, какъ лабраторіи Mungo Park въ Америкѣ, Томаса-Густона въ Парижѣ, Simens въ Лондонѣ и Берлинѣ, гдѣ геній продаетъ себя за мѣсячную чечевичную похлебку, гдѣ работаютъ десятками ученые наемные химики (напр., во Франкфуртѣ на фабрикѣ анилиновыхъ красокъ болѣе 100 человѣкъ).

Во многихъ другихъ отрасляхъ интеллигентскаго труда процессъ капитализаціи принялъ другія формы; самостоятельный ремесленникъ интеллигентъ не разслоялся на двѣ противоположныхъ составныхъ части: хозяина и работника, а прямо вступилъ въ качествѣ пролетарія-наемника въ предпріятія промышленно-земледѣльческихъ отраслей производства, какъ инженеры, агрономы и т. д.

Продолжать ли наше изслѣдованіе дальше? Сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть, что капитализмъ сталъ твердою ногою въ мірѣ интеллигентскаго труда, торжествуетъ по всей линіи жизни и каждый день, во славу его, Молоху-Капиталу приносятся все новыя и новыя человѣческія жертвы.

Существуетъ совершенная аналогія между этой эволюціей и тѣмъ великимъ промышленнымъ переворотомъ, итоги котораго были подведены въ 1789 году и въ результатѣ котораго были выброшены на поверхность жизни дѣйствіемъ вулканическаго изверженія общественныхъ силъ два новыхъ моло-

дыхъ класса—буржуазія и пролетаріатъ—пресловутое «третье сословіе».

Интеллигенція есть также совокупность классовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ аналогичному процессу дифференціаціи, имѣвшему мѣсто въ области непроизводительнаго труда.

Полный параллелизмъ представляетъ и современное отношеніе экономистовъ къ интеллигенціи съ отношеніемъ ихъ къ промышленнымъ классамъ въ феодальную эпоху. Промышленниковъ на зарѣ феодализма, какъ въ настоящее время интеллигенцію также не считали производительнымъ классомъ общества (достаточно вспомнить по этому поводу идеи физіократовъ) и также отказывали имъ въ классовомъ строеніи. И тогда обрабатывающая промышленность находилась въ томъ же состояніи динамическаго образованія, какъ нынѣ «непроизводительная».

Л. Черный.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Въ области религіозной жизни, отъ самыхъ первыхъ ея шаговъ до современной ступени развитія, мы различаемъ два основныхъ элемента: элементъ личный, религіознаго чувства, которое является основой всякой религіи, и элементъ соціальный, церковной организаціи, объединяющій отдѣльныхъ религіозныхъ людей въ общину, которая осуществляетъ опредѣленное религіозное ученіе на практикѣ: служить богамъ и являться посредникомъ между вѣрующимъ и ихъ богами. Въ ходѣ развитія соціально-политической жизни народовъ церковныя организаціи получаютъ огромное значеніе, какъ орудіе политическаго господства въ рукахъ командующихъ классовъ.

Эту черту мы видимъ уже въ древнѣйшихъ политическихъ, организаціяхъ. Восточное государство есть государство теократическое; гражданскія общины античнаго міра объединены не только гражданской конституціей, но и культомъ городскихъ боговъ. Болѣе близкія къ намъ эпохи не въ меньшей степени характеризуются тѣмъ же сліяніемъ церкви и государства. Въ феодальную эпоху монастырь и епископія были такими же сеньеріями, какъ бароніи или графство, а престолъ св. Петра въ Римѣ заявлялъ и осуществлялъ идею гегемоніи жречества надъ царствомъ. Великія реформаціон-

ныя движенія XVI и XVII вѣковъ привели къ образованію новыхъ государственныхъ церквей—англиканской, евангелическо-лютеранской, реформатской. Господствующая церковная организація, въ такомъ союзѣ или даже въ полномъ сліяніи съ государствомъ идетъ съ нимъ рука объ руку въ осуществленіи и поддержаніи господства и эксплуатаціи. Въ феодальную эпоху рука объ руку церковный и свѣтскій сеньеръ эксплуатируютъ своихъ крестьянъ и объявляютъ всякій протестъ съ ихъ стороны бунтомъ противъ вѣры и церкви; въ капиталистическую эпоху изъ евангелія заимствуются тексты, которые должны доказать божественное установленіе института частной собственности и божественное установленіе всякой власти. Мѣняя господъ, церковь мѣняетъ и методы доказательства, но по существу она остается прежней: получая отъ государства поддержку и покровительство, она должна оказывать ему услуги.

Такая роль церкви объясняется тѣмъ, что всякая отлившаяся въ опредѣленныя застывшія нормы церковная организація является источникомъ существованія для ея жречества. Въ первобытную эпоху еще нѣтъ профессіональнаго жречества; но по мѣрѣ развитія соціальной жизни такое жречество появляется и становится необходимымъ элементомъ всякой церкви. Жрецъ знаетъ угодные божеству способы богослуженія, магическія формулы, посредствомъ которыхъ пріобрѣтается помощь добрыхъ и парализуются козни злыхъ божествъ, науку гаданій, которая открываетъ людямъ божественную волю и помогаетъ направлять житейскія и политическія дѣла въ согласіи съ божественной волей. Служба божеству становится обязанностью жреца, которая въ то же время его кормитъ. Отсюда ревнивое отношеніе жрецовъ опредѣленнаго культа ко всякому конкурирующему культу. Но борьба съ конкуренціей немыслима безъ матеріальной силы. Мало изобличить «ересь»; надо ее искоренить; на помощь мечу духовному долженъ прійти мечъ матеріальный. И въ союзѣ съ государствомъ церковь такой мечъ находитъ. Она всею силою своего авторитета служитъ интересамъ государства; за это государство объявляетъ свою церковь единою и истинною и гонитъ своимъ мечомъ всѣхъ еретиковъ, раскольниковъ и сектантовъ. Ихъ организаціи, организаціи борьбы, рождаются на почвѣ соціальной борьбы, принимая религіозную окраску: евангелія, эта пестрая смѣсь изреченій, накоплявшихся почти въ теченіе полутора вѣковъ, часто противорѣчивыхъ и подходящихъ къ соціальнымъ вопросамъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, даютъ достаточный матеріалъ и для коммуниста, и для анархиста, какъ для собственника и князя свѣтскаго или церковнаго.

Церковь въ борьбѣ опирается на традиціонное толкованіе писанія въ духѣ господства владѣющихъ классовъ; сектанты отвѣчаютъ обвиненіемъ въ искаженіи писанія и объявляютъ, что только они являются истинно евангельскими христіанами. Приходитъ полицейскій и судья и своимъ приговоромъ «Quos ego!» устанавливаетъ торжество «единой и истинной» вѣры.

Такъ было—на западѣ, въ Россіи, во всемъ мірѣ. *Есть* ли такъ и *будетъ* ли такъ? Ходъ соціально-политической борьбы и ея достигнутые уже на западѣ результаты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, церковь можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока есть вѣрующіе; въ тотъ моментъ, когда вѣрующихъ не будетъ, храмы закроются, гимны замолкнутъ, и боги останутся лишь героями поучительныхъ или чудесныхъ сказаній. И что бы ни говорили защитники врожденности религіознаго чувства, реальная дѣйствительность ихъ не оправдываетъ, и неизбѣжнымъ ходомъ развитія религія осуждена на постепенное вымираніе. Она возникла изъ инстинкта самосохраненія, изъ необходимости обороняться отъ «силы нездѣшней»—духа мертвеца, таинственныхъ существъ, чудящихся въ лѣсной чащѣ, въ темномъ омутѣ, въ дикой пустынѣ, въ грозовыхъ облакахъ она возникла изъ чувства самосохраненія, изъ стремленія обезпечить себѣ помощь «силы нездѣшней»—духа предка, яснаго солнышка, матери сырой земли. Но по мѣрѣ того, какъ накопляется, въ той же борьбѣ за существованіе, сумма научнаго знанія, религіозная практика изъ живого дѣла становится мертвой формулой. Древній римлянинъ гадалъ передъ сраженіемъ, наблюдая за полетомъ птицъ небесныхъ и затменіемъ солнца или луны; современный военачальникъ получаетъ изъ методологической обсерваторіи бюллетень и знаетъ, будутъ ли завтра благопріятныя условія для задуманныхъ операцій. Знахарь заговаривалъ болѣзни, изгоняя злого духа; его замѣнилъ врачъ, изгоняющій болѣзнетворное начало, въ которомъ, однако, нѣтъ ничего таинственнаго, и которое мы можемъ видѣть въ любомъ музеѣ экспериментальной медицины или микробіологіи. Мертвецы болѣе не тревожатъ нашего сна, и заупокойные обряды стади традиціей тихаго воспоминанія и грусти о покинувшихъ насъ навсегда. Религія еще живетъ, но это уже не прежняя жизнь; она пережила свою весну и лѣто, и теперь для нея настаетъ осень. Мѣстами это еще золотая осень, и она въ запахѣ и окраскѣ опавшихъ листьевъ, мы чувствуемъ еще ароматъ—только что минувшаго лѣта и его вчерашніе яркіе узоры, такъ и торжественная служба еще способна иной разъ разбудить въ нашемъ чувствѣ старыя религіозныя ноты, средневѣковыя переживанія. Правда, чѣмъ ближе къ землѣ, къ земледѣльческому труду,

у насъ еще консервативному и чуждому машинной техники, тѣмъ религіозное чувство живѣе и ярче; но возвышающійся и правящій всей нашей жизнью городъ, несмотря на его величественные иной разъ храмы, истинно вопіетъ противъ религіи всѣми фибрами своего существа.

И по мѣрѣ того, какъ блекнетъ религіозное чувство, церковь становится прибѣжищемъ обскурантизма и реакціи, начинаетъ держаться не силою своего духовнаго авторитета, а силой матеріальнаго государственнаго меча. Государственный строй измѣняется, автократія замѣняется народовластьемъ—и церковь теряетъ и матеріальную опору. Демократія не мирится съ догматами, она идетъ впередъ и творитъ, для ея власти не нужныя церковныя оправданія. И отсюда—отдѣленіе церкви отъ государства. Государство не вмѣшивается въ убѣжденія и чувства своихъ гражданъ. Если имъ угодно служить Богу, пусть служатъ Богу; если имъ угодно не признавать Бога, пусть не признаютъ. Граждане вольны составлять всякіе союзы, и если они хотятъ, они могутъ составить союзъ для служенія Мадоннѣ, Николаю угоднику, кому и чему угодно, но государства это не касается, или касается постольку, поскольку иной культъ можетъ соприкасаться съ уголовно наказуемымъ дѣяніемъ.

Отдѣленіе церкви отъ государства проведено во Франціи, Италіи, Швейцаріи, американскихъ республикахъ, нѣкоторыхъ молодыхъ англійскихъ колоніяхъ. Его необходимо провести и у насъ, не укрѣплять союзъ съ государствомъ нашей немощной церкви, но окончательно разорвать этотъ союзъ. Синодская церковь слишкомъ связана съ рухнувшимъ режимомъ, чтобы въ старомъ, не реформированномъ видѣ служить новому; ея клиръ воспитанъ на низкопоклонствѣ, доносѣ и сыскѣ, на крайней нетерпимости, на казуистическойсофистикѣ офиціальнаго богословія. Реформировать церковь могутъ только міряне, и имъ это надо предоставить; демократическому государству въ это дѣло мѣшаться нечего. Оно должно предоставить своимъ гражданамъ полную свободу совѣсти, свободу вѣры и невѣрія, установить гражданскія метрики, обязательный гражданскій бракъ и гражданскія похороны. А счеты съ богами должны быть предоставлены частнымъ обществамъ тѣхъ лицъ, которыя еще вѣрятъ въ боговъ.

Но если будетъ сдѣлана попытка со стороны новаго правительства установить вновь союзъ съ церковью, хотя бы на реформированныхъ началахъ, всѣ демократическія партіи должны съ этими поползновеніями бороться. Надо помнить, что всякое стремленіе такъ или иначе связать власть съ церковью реакціонно по самому своему существу и, сверхъ того, влечетъ за собою цѣлый рядъ непроизводительныхъ расходовъ.

Ибо церковь, проповѣдуя евангельское правило «иди и раздай свое имѣніе нищимъ», сама, напротивъ, любить стяжать даже у нищихъ и никогда ничего не даетъ, чтобы за это не взять. Она не служила даромъ старому строю, не будетъ служить даромъ и новому строю; а при новомъ строѣ она будетъ поддерживать его буржуазные верхи противъ широкихъ демократическихъ круговъ. Отдѣленіе церкви отъ государства есть такая же необходимая и насущная задача предстоящаго устроенія Россіи, какъ земельная реформа или рабочее законодательство.

Н. Никольскій.

ЗАБЫТЫЕ.

(*О положеніи дѣятелей средней школы.*)

Среди многихъ наболѣвшихъ вопросовъ, оставленныхъ въ наслѣдіе старымъ режимомъ, ждетъ своей ликвидаціи наравнѣ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашей школы, и совершенно ненормальное положеніе преподавателя средней школы. Въ немъ много своеобразныхъ условій, остававшихся скрытыми отъ взоровъ широкой публики. Оно не выдерживаетъ никакого сопоставленія ни съ положеніемъ учащихся, ни съ положеніемъ учителей низшей школы, а тѣмъ болѣе преподавателей высшей школы. Какъ ни много писалось у насъ мрачнаго о положеніи школьниковъ, уже одно то, что объ этомъ писали, спорили и волновались, а въ послѣднее время даже и довольно много, показываетъ, что этотъ вопросъ далеко не былъ въ безнадежномъ положеніи; наконецъ, были родители, которые могли отстаивать интересы учащихся. Преподаватели низшей школы съ давнихъ поръ обладали гораздо большей самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ (были, конечно, и исключенія); надъ ними не стояло такъ близко «попечительное» начальство; наконецъ, у нихъ ужъ давно образовалась довольно прочная организація, которая дѣлала возможной борьбу за права. Уже одна эта организація свидѣтельствуетъ о наличности въ ихъ средѣ болѣе или менѣе твердой инціативы, является продуктомъ ихъ внутренней работы. Дѣятели средней школы являютъ образецъ полной или почти полной несорганизованности. Если исключить недолго существовавшій въ 1905-6 г. «Союзъ дѣятелей средней школы» и еще нѣкоторыя, косвенно примыкающія

къ педагогическому дѣлу организаціи въ родѣ «Общества распространенія техническихъ знаній», можно сказать, что спеціальныхъ профессіональныхъ организацій педагоговъ средней школы не было. Этотъ фактъ заслуживаетъ серіознаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, по своему образовательному уровню преподаватели средней школы стоятъ много выше народныхъ учителей, а между тѣмъ интересъ у нихъ къ правильному устроенію своей жизни какъ будто совершенно отсутствуетъ. Что же— преподаватели средней школы настолько неуживчивый народъ, что даже между собой не могутъ сойтись, или они просто лишены соціальныхъ чувствъ и неспособны къ гражданскому общежитію? Конечно, нѣтъ. Есть нѣчто иное, тяготѣющее, какъ злой рокъ. И, можетъ быть, всѣ болѣе или менѣе яркія уродливости профессіональнаго типа педагога средней школы являются прямымъ результатомъ его ненормальнаго служебнаго положенія.

Эта ненормальность положенія есть фактъ громаднаго соціальнаго значенія, обезличивающій человѣка, уродующій всѣ его личныя отношенія. Мы думаемъ, что слагается она подъ вліяніемъ двухъ внѣшнихъ условій—тяжелой и плохо оплачиваемой работы, съ одной стороны, и давленіемъ начальства, создающимъ атмосферу какой-то запуганности, съ другой.

Что касается матеріальнаго вознагражденія, несомнѣнно заработокъ средняго рабочаго выше заработка опытнаго педагога. Для человѣка, обремененнаго семьей, является настоятельная необходимость изыскивать частные уроки или иныя занятія, чтобы поддерживать сносное существованіе. А между тѣмъ и безъ этого школа налагаетъ на педагога много всевозможной работы—больше, чѣмъ предполагаетъ широкая публика. Помимо оффиціально возложенной работы по расписанію, учителю еще много часовъ приходится проводить въ гимназіи то по обязанности класснаго наставника, то въ качествѣ руководителя научной экскурсіи, то—въ зависимости отъ энергіи и взглядовъ начальства,—на дежурствахъ по внѣшкольному надзору, то на всевозможныхъ совѣтахъ—педагогическихъ и хозяйственныхъ, въ маѣ же мѣсяцѣ страдать на экзаменахъ, просиживая иногда по 12 и болѣе часовъ въ день. Наконецъ, сколько часовъ приходится проводить надъ исправленіемъ письменныхъ работъ! При перегруженности классовъ это превращается—въ особенности для преподавателей русскаго языка—прямо въ каторжный трудъ. Мы не говоримъ уже о подготовкѣ къ урокамъ и о постоянной необходимости всякому преподавателю работать надъ своимъ предметомъ, чтобы сколько-нибудь держаться текущаго уровня научныхъ знаній.

Но помимо всего этого труда, педагогу приходится

быть еще постоянно во власти силъ, внѣ его лежащихъ. Это, съ одной стороны, ученики и ихъ родители, а съ другой,— всевозможное начальство. И такъ какъ двѣ силы, тянутъ въ разныхъ направленіяхъ, то и получается, что педагогъ попадаетъ, словно между двумя жерновами.

Стоитъ присмотрѣться къ обычной системѣ назначенія начальства, чтобы сдѣлать выводы и о роли его въ школьной жизни. Достаточно припомнить, что въ этихъ назначеніяхъ обыкновенно играютъ роль какія-нибудь «особыя соображенія». Слишкомъ хорошо извѣстны случаи, когда назначенія давались людямъ, не выдѣлявшимся ни знаніями, ни опытомъ, ни даже простой тактичностью, а исключительно по родству, знакомству и т. д., или просто потому, что высшее начальство не знало, какъ прилично отвязаться отъ извѣстной личности. Наоборотъ, смѣщались заслуженные и уважаемые люди только изъ-за того, что мѣсто понадобилось для кого-нибудь болѣе близкаго начальству. Въ этихъ условіяхъ положеніе подчиненныхъ становится невыносимымъ У преподавателя отнимается всякая доля самостоятельности. И это касается не только его служебныхъ дѣлъ, но простирается и на область его личныхъ интересовъ. Если появляется въ газетѣ подпись педагога подъ адресомъ поэту Бальмонту, это уже накликаетъ на виновнаго «замѣчаніе».

А чего стоило особое полномочіе директора, которому до послѣдняго времени ежегодно вмѣнялось въ обязанность секретно представлять въ Округъ характеристики подчиненныхъ ему преподавателей. Можно судить, во что превращалось въ рукахъ энергичныхъ и умѣлыхъ начальниковъ это испытанное средство охранительной политики, которое казалось гнуснымъ даже и людямъ бюрократическаго склада. Намъ извѣстенъ между прочимъ такой случай, когда преподаватель одной частной женской гимназіи былъ уволенъ безъ прошенія по представленію предсѣдателя совѣта (должность, приблизительно соотвѣтствующая директорской) за то, что будто бы онъ «не давалъ предсѣдателю совѣта говорить съ ученицами». Эта мотивировка, кажется, достаточно ярко говоритъ сама за себя!

Нѣтъ надобности касаться вопроса объ отношеніи педагога къ министерству, это являетсяуже обще политическимъ вопросомъ и хорошо извѣстно широкому кругу читателей. Мы остановимся на другой ступени начальства—на начальствѣ окружномъ. Это, прежде всего, самъ попечитель округа. Обыкновенно—типичный бюрократъ, человѣкъ испытанной благонадежности, «не терпящій крамолы», выдвинувшійся своими заслугами на поприщѣ «спасанія отечества» и умѣніемъ лавировать среди всевозможныхъ «вліяній», но совер-

шенно незнакомый со школьной жизнью. Вокругъ группа завзятыхъ чиновниковъ-профессіоналовъ, которые въ сущности и являются хозяевами всей машины, такъ какъ именно они направляютъ умъ и волю своего начальника. Неумѣніе ладить съ ними не разъ стоило мѣста не только простымъ учителямъ, но даже и директорамъ. У всѣхъ еще въ памяти одинъ изъ московскихъ чиновниковъ, который быстро пошелъ въ гору и закончилъ свою педагогическую дѣятельность уже въ роли губернатора. Можно себѣ представить, что происходитъ въ школьной жизни, когда кто-нибудь изъ такихъ чиновниковъ является въ учебное заведеніе и безмолвно (иногда впрочемъ случается, что они переходятъ и за предѣлы своей компетенціи и вмѣшиваются въ ходъ преподаванія) начинаетъ съ таинственнымъ видомъ записывать что-то въ свою черную книжечку! Бывали случаи, когда ревизія гимназіи назначалась на основаніи подслушаннаго на трамваѣ разговора учениковъ!

Совершенно особое мѣсто въ преподавательской средѣ занимаютъ преподаватели такъ называемые сверхштатные. Это несчастливицы, работа которыхъ признается необходимой для школы, но которые оказываются не принятыми въ штатъ, такъ какъ уставомъ обязанности ихъ были предназначены на долю штатныхъ, но по тѣмъ или инымъ причинамъ послѣдними не взяты. Такимъ образомъ сверхштатные несутъ трудъ наравнѣ съ штатными (на нихъ однако не возлагаются обязанности классныхъ наставниковъ), но вознагражденіе получаютъ меньшее, не имѣютъ ни пятилѣтнихъ прибавокъ, ни другихъ добавочныхъ вознагражденій. Кромѣ того, каждый годъ стоятъ они передъ перспективой быть выброшенными за бортъ безъ объясненія причинъ, если только директоръ не найдетъ нужнымъ пригласить на слѣдующій годъ. Во время настоящей войны они лишились права на освобожденіе отъ военной службы, и одновременно казеннаго содержанія—въ то время, какъ даже на частной службѣ за призванными вездѣ сохраняли содержаніе, если не въ полномъ размѣрѣ, то во всякомъ случаѣ въ половинномъ.

Нечего и говорить, что въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ преподаватели, находится другой разрядъ дѣятелей средней школы—классные надзиратели съ ихъ совершенно нищенскими окладами и еще болѣе тяжелой зависимостью отъ начальства.

Итакъ, какія же блага сулитъ поприще педагога? Какъ и почему нѣкоторые люди все-таки избираютъ себѣ эту дѣятельность? До закона 12 года извѣстную роль играло, несомнѣнно право на освобожденіе отъ воинской повинности. Теперь и этого нѣтъ. Пенсія послѣ двадцатипятилѣтней службы не такъ велика, чтобы могла служить особенной приманкой.

Нужно только удивляться, что еще такъ много людей остается на этой тяжелой и неблагодарной службѣ. Можетъ быть, отвѣтитъ на этотъ вопросъ одно чисто психологическое наблюденіе. Очень большой контингентъ служащихъ, составляютъ люди особенно спокойнаго уклада, вялые и инертные, предпочитающіе скромное, но опредѣленное вознагражденіе при сравнительно покойной работѣ вознагражденію болѣе высокому, но сопряженному съ болѣе кипучей и активной дѣятельностью. Въ этой массѣ малозамѣтными становятся люди живой души, дѣятельные и энергичные, самоотверженные идеалисты, сознательно берущіе на себя тяжелый крестъ и съ радостью несущіе его въ сѣрой и тернистой жизни русскаго педагога. Революція, разбивающая устои старой вѣковой рутины, должна внести свѣтъ и въ этотъ уголокъ нашей жизни.

С. Радцигъ.

КЪ ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЗАЦІИ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Переживаемая нами эпоха—пора громкихъ, благородныхъ и красивыхъ лозунговъ. Таковъ, между прочимъ, часто раздающійся лозунгъ—демократизація школы.

Извѣстно, что чѣмъ громче и красивѣе лозунгъ, тѣмъ больше нуждается онъ въ практическомъ оправданіи, тѣмъ необходимѣе подвести подъ него опредѣленное конкретное содержаніе. Въ предѣлахъ предлагаемой статьи мы остановимся на условіяхъ демократизаціи школы, которую прошло большинство русской интеллигенціи и судьба которой ей должна быть особенно близкой: это такъ называемая средняя школа. Въ реформѣ ея давно чувствовалась необходимость. Средняя школа—это наша молодая интеллигенція, это тѣ рекруты новаго призыва которые по окончаніи революціи станутъ на наше мѣсто въ великомъ строительствѣ культурнаго будущаго Россіи. Разумѣется, одна сторона демократизаціи—въ общедоступности школы. Старый порядокъ выдвинулъ въ противовѣсъ общедоступности цѣлый рядъ мѣръ, хоть отчасти онѣ были намѣчены къ ликвидаціи уже послѣ 1905 г. По проекту графа Игнатьева высшіе классы средней школы окончательно должны были стать естественнымъ продолженіемъ школы народной, низшей—и проекту этому остается лишь получить правительственную санкцію.

Сильно препятствуетъ демократизаціи школы ея дороговизна. При существующихъ условіяхъ трудно понизить плату за ученье; но болѣе правильное распредѣленіе государственныхъ расходовъ откроетъ, можетъ быть, и въ этомъ отношеніи нѣкоторый выходъ изъ затрудненія. Становится, наконецъ, совершенно излишней правительственная поддержка привилегированныхъ учебныхъ заведеній, какъ тѣхъ, въ которыя принимались лица только извѣстнаго привилегированнаго класса, такъ и тѣхъ, которыя сверхъ ограниченія по пріему давали своимъ питомцамъ разныя служебныя преимущества. Недавно еще, несмотря на обстоятельства военнаго времени, въ Морской корпусъ могли поступать только дворяне: нельзя не привѣтствовать отмѣну этого совершенно неумѣстнаго ограниченія, къ счастью уже уничтоженнаго при новомъ строѣ.

Но демократизація школы не исчерпывается общедоступностью послѣдней. Ясно, что въ демократической странѣ, со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ широко поставленной общественной самодѣятельностью и иниціативой, въ странѣ, гдѣ всѣ жители—граждане, и школа должна создавать, прежде всего, гражданъ и къ этому приспособить свою программу. Для нѣкоторыхъ, еще несовсѣмъ стряхнувшихъ съ себя прахъ стараго порядка, вопросъ о демократизаціи программы сводится къ очень простому рѣшенію: преподаются всѣ прежніе, уже испытанные школьной практикой предметы, но только въ «новомъ духѣ». Этотъ новый духъ не затрагиваетъ математики и, можетъ быть, естествовѣдѣнія, но главное свое вѣяніе направитъ на преподаваніе гуманитарныхъ наукъ—русской литературы, исторіи, правовѣдѣнія, а въ коммерческихъ училищахъ политической экономіи. При этомъ, совершенно въ параллель тому, какъ въ прежнихъ патріотическихъ учебникахъ напирали въ исторіи на царей, въ литературѣ затушевывали Герцена, а въ правовѣдѣніи осторожно проводили грань между русскимъ обновленнымъ самодержавіемъ и конституціей, такъ теперь, наоборотъ, изъ исторіи будутъ исключены цари или появятся лишь въ качествѣ объекта для самой отрицательной характеристики, въ литературѣ Некрасовъ и Огаревъ станутъ рядомъ съ Пушкинымъ, а въ правовѣдѣніи будетъ доказываться, что къ демократической республикѣ Россія шла еще со временъ вѣча. Если дѣло сведется къ этому, то школа останется абсолютно прежней, и новый духъ окажется тѣмъ же старымъ, только въ новомъ одѣяніи. Надо искать иныхъ путей, менѣе проторенныхъ, но правильнѣе ведущихъ къ цѣли.

Наша старая школа—какъ показываетъ вся совокупность сложившихся въ ней ненормальныхъ условій—грѣшила и въ отношеніи объема программы, и въ отношеніи содержанія. Объемъ программы охватывалъ самый широкій кругъ знаній,

повидимому, болѣе, чѣмъ достаточный для всесторонняго интеллектуальнаго развитія учениковъ. Но, во-первыхъ, осуществлялось ли это интеллектуальное развитіе на практикѣ? Рѣдкій представитель интеллигенціи помянетъ добромъ пройденную имъ среднюю школу. Преподаватели, поставленные въ необходимость оперировать съ непомѣрно обильнымъ учебнымъ матеріаломъ, невольно отъ интеллекта аппеллировали къ памяти и, иногда сами того не замѣчая, замѣняли усвоеніе заучиваніемъ. А во-вторыхъ: если интеллектуальное развитіе и осуществлялось, то блестящее выполненіе этой задачи не шло ли въ ущербъ выполненію другой задачи школы—воспитанія характера и воли? Не выступаетъ ли здѣсь черта, которая несовмѣстима съ демократизаціей, съ высокимъ назначеніемъ школы выпускать изъ своихъ стѣнъ не только знающихъ людей, но и гражданъ, способныхъ къ самопожертвованію въ общественной работѣ? Воспитательная задача естественно стушевывалась въ старой школѣ. Воспитаніе предполагаетъ искренность, а старая школа, какъ и старый порядокъ управленія, строился на системѣ благонамѣренныхъ замалчиваній, лицемѣрія и внѣшне-благожелательныхъ воздѣйствій. О цѣломъ рядѣ явленій нельзя было свободно высказываться, и не изъ страха за себя лично, а изъ страха за то, чтобы ваши же собственныя слова, повторенныя учениками, не явились для нихъ источникомъ самыхъ неожиданныхъ послѣдствій. Но для преподавателя широта программы являлась какъ бы якоремъ спасенія: гдѣ тутъ воспитывать, нѣкогда, дай Богъ научить, пройти программу; воспитаніе—это дѣло семьи, а въ школѣ пусть ученики сами воспитываются, какъ знаютъ. Нечего повторять, къ какимъ нежелательнымъ явленіямъ въ дѣлѣ нравственнаго развитія учениковъ приводило такое игнорированіе одной изъ основныхъ задачъ школы. Лозунгъ русской бюрократіи стараго режима «мы и они» въ миніатюрѣ осуществлялся и въ школьной жизни. Между преподавателями и учениками было мало близости—и кого теперь винить въ этомъ? И можно ли отдѣльныхъ лицъ дѣлать отвѣтственными за порядокъ? Школа заваливала требованіями, школа вдалбливала, а иной разъ безпомощно растеривалась въ своихъ педагогическихъ пріемахъ: естественно, въ ней развивался формализмъ, который и дѣлалъ ее разсадникомъ не гражданъ, а только чиновниковъ и обывателей. Интересъ и вниманіе къ наукамъ, по старой терминологіи нашей классической школы. бывали обычно «равномѣрными»; но у многихъ эта равномѣрность поддерживалась въ достаточномъ равновѣсіи только съ помощью дополнительныхъ затратъ родителей на репетиторовъ. Если оказывался преуспѣвающій ученикъ, съ нимъ носились, его баловали, онъ составлялъ гордость школы, такъ

какъ по большей части бывалъ въ ней исключеніемъ. И къ сожалѣнію, значительный процентъ этихъ преуспѣвающихъ, при переходѣ въ высшую школу или по ея окончаніи, совершенно не оправдывалъ возлагавшихся на нихъ блестящихъ надеждъ. Такой многопредметной школы, какъ наша, не знаетъ ни Зап. Европа, ни Америка—несмотря на то, что, по разнымъ условіямъ, въ Россіи такъ мало учебныхъ дней. Особенно страдаютъ школы, въ которыхъ стараются соединить задачи профессіональныя съ общеобразовательными, предполагая при этомъ, что обѣ эти задачи требуютъ для своего осуществленія непремѣнно особыхъ цикловъ знаній. Сейчасъ мы не будемъ касаться того, насколько это справедливо, и отошлемъ читателя хотя бы къ любопытному письму Н. Сперанскаго съ Мюнхенской выставки 1908 г. (Н. Сперанскій «Борьба за школу», М. 1908, ст. «Новая струя въ народномъ образованіи»). Но практическимъ результатомъ соединенія обѣихъ задачъ въ русскихъ школахъ получается лишь то, что ученику ежедневно приходится готовить уроки по пяти (а иногда и по шести) предметамъ, совершенно не объединеннымъ въ какое-нибудь логическое цѣлое. Разнородность предметовъ, проходимыхъ притомъ по разнымъ методамъ, не даетъ ни на чемъ сосредоточиться—и въ результатѣ ученикъ выноситъ изъ школы не привычку къ регулярному и серьезному труду, а ту внутреннюю разшатанность и халатность, которая такъ часто дѣлаетъ совершенно неработоспособной нашу интеллигенцію.

Но мало того, что наша старая школа забрасывала учебнымъ матеріаломъ, этотъ матеріалъ страдалъ отвлеченностью отъ насущнѣйшихъ запросовъ современной жизни. Отвѣтить на запросы современности и сблизить школу съ жизнью—это, разумѣется, совершенно не то преподаваніе въ quasi-новомъ духѣ, которое мы категорически отвергли выше. Новая демократическая школа должна связать себя съ жизнью въ томъ отношеніи, чтобы все волнующее и интересующее учениковъ внѣ школы, находило свой положительный или отрицательной откликъ въ стѣнахъ школы, чтобы школа сообщала такія знанія, въ которыхъ бы ученикъ получалъ отвѣтъ на пробудившіеся въ немъ научные, общественные или эстетическіе запросы. Намъ бросятъ немедленно упрекъ въ стремленіи превратить уроки въ митинги, и свести учебные предметы къ публицистикѣ. Но и митингъ, и публицистика вовсе не такъ страшны для современной школы; а затѣмъ—сближеніе съ жизнью отнюдь не исключаетъ и чисто-академическаго преподаванія, совершенно объективнаго и научнаго освѣщенія самыхъ разнообразныхъ и повидимому жгучихъ вопросовъ. Скажемъ болѣе: такое научное освѣщеніе жгучихъ вопросовъ именно и должна давать школа, потому

что, въ большинствѣ случаевъ, она, и только она, можетъ оказаться на высотѣ этой глубоко общественной и въ высшей степени серьезной задачи. Разумѣется, одни предметы въ большей, другіе въ меньшей степени призваны къ этому; но особенно важно сблизить съ жизнью предметы, касающіеся человѣка и общества.

Вопросъ о сближеніи школы съ жизнью—кардинальный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ значительная часть успѣха предстоящей реформы народнаго образованія. Но окружающая жизнь можетъ ставить передъ отдѣльными учениками различные вопросы—и съ извѣстнаго возраста нельзя отказать въ правѣ обратить на тотъ или иной предметъ особенное вниманіе, хотя бы это и потребовало извѣстнаго сокращенія занятій по другимъ предметамъ. Старая школа не дорожила индивидуальностью, такъ какъ шаблонъ, ранжиръ служили лучшей гарантіей устойчивости и неизмѣнности стараго режима. Въ новой школѣ должна свободно развиваться личность—и пусть каждый вынесетъ изъ нея упятереннымъ тотъ талантъ, который суждено ему вложить въ сокровищницу мірового прогресса.

Полная реорганизація школы—дѣло нелегкое, и пока для проведенія его въ жизнь приходится поставить только общія вѣхи. Но современныя событія заставляютъ уже сразу, примѣнительно къ новой общественной атмосферѣ, измѣнить во многомъ преподаваніе, даже не выходя окончательно изъ рамокъ старыхъ требованій, Общественность сама, явочнымъ порядкомъ, черезъ родительскія, черезъ ученическія организаціи, проникаетъ въ школу. Въ нѣкоторыхъ школахъ преподавателями (а въ частности и пишущимъ эти строки) произведена анкета касательно вопросовъ, особенно интересующихъ учениковъ. Вопросы, поставленные учащимися, касаются и отношенія къ войнѣ, и ея возможныхъ слѣдствій, и будущаго русскаго государственнаго строя, и положенія рабочихъ и крестьянъ; въ совокупности, сопоставленные другъ съ другомъ и систематизированные, вопросы даютъ цѣльную и довольно стройную программу по исторіи, законовѣдѣнію и экономическимъ наукамъ. Вотъ напр., что спрашивается, въ одномъ коммерческомъ училищѣ по вопросу рабочему и аграрному: «причины бѣдности нашего крестьянства и пролетаріата; существующіе взгляды на улучшеніе быта рабочихъ и крестьянъ; въ какую связь могутъ быть поставлены другъ съ другомъ требованія крестьянъ и рабочихъ; права крестьянъ на землю при уравненіи сословій; экспропріація помѣщичьихъ земель; при осуществленіи равныхъ правъ на землю, подлежатъ ли отчужденію и крестьянскія земли?»

Преподавательскій персоналъ счелъ своимъ долгомъ при-

нять мѣры не только къ отвѣтамъ на эти вопросы, но и организаціи по нимъ особыхъ бесѣдъ. Въ одной изъ школъ разбирался, между прочимъ, на собраніи учениковъ и самый вопросъ о реформѣ школы, и была вынесена резолюція (это было еще до соотвѣтствующихъ резолюцій Союза дѣятелей средней школы и другихъ учительскихъ организацій)—о необходимости предоставленія педагогическому совѣту выбирать директора и преподавателей; себѣ ученики выговаривали право выбирать классныхъ наставниковъ изъ указанныхъ педагогическимъ совѣтомъ кандидатовъ.

«Можно ли ожидать, что у насъ скоро будетъ настоящая школа?»—съ юношеской горячностью спрашиваетъ на одномъ изъ листочковъ нашей анкеты ученикъ VIII класса. Конечно, не такъ скоро, какъ этого бы желалъ ученикъ и какъ—надѣемся—желаетъ огромное большинство русскихъ гражданъ; но и откладывать дѣла въ долгій ящикъ нельзя—жизнь не ждетъ, она зоветъ къ немедленной работѣ, и горе работнику, который останется глухъ къ этому зову...

Д. Жариновъ.

СИНДИКАЛИЗМЪ.

(Обзоръ литературы).

Послѣ революціи 1905 года, въ періодъ свободы печати, на книжный рынокъ были выброшены милліоны соціалистическихъ брошюръ и книгъ. Среди этой литературы скромное мѣсто по количеству названій занимали работы, посвященныя ознакомленію русскихъ читателей съ синдикалистскимъ теченіемъ въ соціализмѣ. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ работъ была выпущена въ 1907 и 1908 гг., когда реакція уже выпрямила свою спину, и политическія изданія почти сплошь конфисковывались и уничтожались. Поэтому лишь незначительныя группы русскихъ гражданъ успѣли получить кое-какое представленіе о синдикализмѣ. Если къ этому добавить, что на книжномъ рынкѣ успѣли появиться сочиненія о синдикализмѣ, большей частью мало доступныя для широкой публики, и что синдикалистское теченіе въ Россіи совсѣмъ еще не представлено въ массахъ, то станетъ понятнымъ, почему болѣе или менѣе основательно знакомы съ этимъ теченіемъ лишь немногочисленные кружки интеллигенціи.

Нынѣ, послѣ второй революціи, довершившей дѣло первой, является настоятельной и неотложной необходимостью заполнить этотъ пробѣлъ: русскіе политическіе дѣятели, къ которымъ теперь самой жизнью предъявляются болѣе строгія требованія, обязаны не только сами ознакомиться съ вопросами и задачами, выдвинутыми синдикалистами, но и ознакомить съ ними широкія рабочія и крестьянскія массы, которыя въ ближайшемъ будущемъ не удовлетворятся безсознательнымъ присоединеніемъ къ той соціалистической партіи, съ представителями которой впервые столкнутся, а обнаружатъ стремленіе къ болѣе серьезному политическому образованію.

Всѣ изданныя въ 1905—8 гг. книги, посвященныя синдикализму, стали теперь библіографической рѣдкостью. Многія изъ нихъ, вѣроятно, будутъ вскорѣ переизданы. Тѣмъ не менѣе, при извѣстной энергіи, можно отыскать тѣ сочиненія, которыя сохранились въ частныхъ рукахъ и книжныхъ складахъ. Цѣль настоящаго очерка — дать бѣглое ознакомленіе съ наиболѣе цѣнными работами по синдикализму, выпущенными въ свѣтъ послѣ 1905 г., дабы лица, заинтересовавшіяся вопросами синдикализма, знали, какія изданія имъ слѣдуетъ разыскивать для ознакомленія или переизданія.

Синдикализмъ, подобно такъ наз. научному соціализму (марксизму), стремится къ преобразованію капиталистическаго общественно-экономическаго строя въ организованное сотрудничество независимаго трудового народа (соціализмъ). Опираясь, съ одной стороны, на марксизмъ, какъ теоретико-экономическую базу, и, съ другой,—на анархизмъ, поскольку послѣдній скептически и отрицательно относится къ парламентаризму и государственности, синдикализмъ, такимъ образомъ, занимаетъ между ними промежуточное мѣсто. Лучшіе труды о синдикализмѣ написаны французскими и итальянскими представителями этого теченія. Ознакомленіе съ научными изслѣдованіями романскихъ синдикалистовъ чрезвычайно полезно какъ для марксистовъ, такъ и для анархистовъ: соціалисты найдутъ въ изслѣдованіяхъ синдикалистовъ наиболѣе послѣдовательное обоснованіе необходимости безпощадной классовой борьбы труда съ капиталомъ; анархисты же въ трудахъ синдикалистовъ найдутъ самую проникновенную философію антигосударственности и революціонизма.

Систематическому изложенію основъ синдикализма, какъ ученія и практической дѣятельности, посвящена небольшая, но содержательная брошюра итальянскаго синдикалиста *Э. Леоне* «*Синдикализмъ*» (пер. К. Кирдецова. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова, Москва, 1907, ц. 60 к.). Соціализмъ, по мнѣнію Леоне, есть преобразованіе соціальныхъ отношеній, какъ «результатъ постепеннаго и послѣдовательнаго укрѣпленія пролетарскаго института — профессіональнаго синдиката». Классовая жизнь синдиката должна быть строго замкнутой и обособленной отъ воздѣйствія чуждыхъ пролетаріату элементовъ. Оружіемъ борьбы съ капиталомъ является стачка. Рабочій классъ долженъ отмежеваться отъ всякихъ союзовъ съ буржуазной демократіей. Парламентскіе способы борьбы исключаются. Соціалистическій строй, по марксистскому методу, вытекаетъ прямо изъ экономическаго развитія внутри пролетаріата. Этотъ будущій строй представляется въ видѣ федерацій профессіональныхъ синдикатовъ. Систематическая послѣдовательность въ изложеніи дѣлаетъ работу Леоне лучшимъ предварительнымъ пособіемъ для изученія синдикализма.

Лучшимъ выразителемъ соціальной философіи синдикализма является французскій синдикалистъ *Ж. Сорель*. Его «*Размышленія о насиліи*» (пер. подъ ред. В. Фриче. Изд. «Польза», Москва, 1907, ц. 1 р.) посвящены обоснованію революціонаризма («насилія»), несущаго въ себѣ, по мнѣнію Сореля, «тѣ высокія моральныя цѣнности, благодаря которымъ соціализмъ несетъ спасеніе современному міру». Въ другой своей работѣ: «*Соціальные очерки современной экономіи. Дегенерація капитализма и дегенерація соціализма*» (изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва, 1908, ц. 1 р. 25 к.)—Сорель вскрываетъ противорѣчія между демократической и соціалистической идеей съ практической и философской точекъ зрѣнія и приходитъ къ заключенію, что парламентскій соціализмъ фатально переходитъ въ демократизмъ, отдаляясь отъ непосредственной защиты классовыхъ интересовъ пролетаріата. Глубокая экономическая философія синдикализма заключается въ третьей работѣ Сореля: «*Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства*» (пер. съ предисл. автора къ русск. пер. подъ ред. и вступ. ст. Л. Козловскаго. Изд. В. Иванова. Москва,

1908 г., ц. 1 р. 25 к.). Въ указанныхъ работахъ Сореля разсмотрѣны всѣ главнѣйшія основы синдикализма.

Уясненію тѣхъ же сторонъ синдикализма посвященъ также сборникъ статей выдающихся французскихъ синдикалистовъ, изданный подъ заглавіемъ: «*Соціальное движеніе въ современной Франціи*» (Статьи *Э. Берта Г. Лягарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве*. Пер. съ рукоп. подъ ред. и съ пред. Л. Козловскаго. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Москва 1908, ц. 1 р.).

Характеристикѣ синдикализма, какъ рабочаго движенія, идущаго прямо къ соціальной революціи, въ противовѣсъ реформистскому направленію парламентскаго соціализма, посвящены солидные труды и статьи выдающагося итальянскаго теоретика синдикализма *Арт. Лабріола*: «*Синдикализмъ и реформизмъ*» Пер. Кирдецова, съ пред. автора къ русск. изд., подъ ред. и съ послѣслов. А. Луначарскаго. Изд. «Шиповникъ». СПБ. 1907, ц. 1 р.), «*Реформа и соціальный переворотъ*» пер. Р. Гинцбергъ), «*Синдикализмъ и соціализмъ*» (пер. П. Сиивака, подъ ред. и съ пред. В. Тотоміанца)—изд. «Освобожденіе труда», Одесса, 1907, ц. 75 к.. «*Соціализмъ и синдикализмъ*» (пер. В. Цвѣтаева, изд. «Просвѣтъ», Кіевъ, 1907, ц. 06 к.).«*О соціализмѣ*» (Изд. «Лучъ», СПБ., ц. 06 к.), «*Къ кризису марксизма*» (Кіевъ, 1906), «*Синдикализмъ и реформизмъ*» (изд. «Сознаніе», СПБ., 1907, ц. 10 к.). Реформистскій соціализмъ, какъ послѣдовательно доказываетъ Лабріола, не стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами буржуазіи, а потому парламентская борьба является негоднымъ орудіемъ освобожденія рабочаго класса. Профессіональные синдикаты, какъ ячейки будущаго строя, представляющаго изъ себя союзъ независимыхъ другъ отъ друга кооперативно-производительныхъ общинъ, должны добиваться перехода въ соціализмъ только посредствомъ стачки.—Послѣсловіе Луначарскаго къ первой книгѣ освѣщаетъ тѣ же положенія съ марксистской точки зрѣнія.

Талантливымъ теоретикомъ синдикализма является также французскій синдикалистъ *Г. Лягардель*. Лучшія работы Лягарделя: «*Всеобщая стачка и синдикализмъ*» (Пер. Г. Оленева, изд. В. Яковенко, СПБ. 1907, ц. 1 р.), «*Революціонный синдикализмъ*», Т. I—Интеллигенція и синдикализмъ; т. II—Всеобщая конфедерація труда. (Изд. «Шиповникъ», 1906, ц. 40 к.), «*Пролетаріатъ и армія*» (Лондонъ, 1902, ц. 2 фр.). Парламентаризму Лягардель противопоставляетъ «прямое воздѣйствіе»—action directe,—праву большинства—право революціоннаго меньшинства.

Талантливо проведена синдикалистская точка зрѣнія на различныя стороны теоріи и практики соціализма въ книгѣ итальянскаго синдикалиста *Оливетти*: «*Проблемы современнаго соціализма*» (Пер. подъ ред. Шулятикова, изд. Дороватовскаго и Чарушникова, Москва, 1908, ц. 80 к.).

Для ознакомленія съ исторіей синдикалистскаго движенія, а въ частности—съ исторіей биржъ труда, этихъ специфическихъ учрежденій французскаго синдикальнаго движенія, полезна работа *Ф. Пелутье*: «*Исторія биржъ труда*» (пер. А. Певзнера, подъ ред. и съ пред. Е. Татарскаго. Изд. Мягкова, Москва, 1906, ц. 35 к.). (То же—пер. С. Львова, К—во «Своб. Трудъ», СПБ. 1906, ц. 30 к.). Объективное изложеніе исторіи французскаго синдикализма читатели найдутъ въ трудахъ не синдикалистовъ: *Ш. Вейля*: «*Исторія соціальнаго движенія во Франціи*»—1852—1902 г.г.) (пер. Л. Борисовича, изд. Ефимова, Москва, 1906, ц. 2 р.), *П. Луи*: «*Исторія синдикальнаго движенія во Франціи*» (Москва, 1908), *Д. Галеви*: «*Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи*» (пер. подъ ред. Я. Галяшкина, изд. бр. Гранатъ, Москва, 1906, ц. 70 коп.), а также въ превосходной книжкѣ русскихъ писателей «*Н. Критской и Н. Лебедева*: «*Исторія синдикальнаго движенія во Франціи*» (Изд. «Союзъ труда», Москва, 1908, ц. 1 р. 50 к.).

Юридическія основы синдикализма разсмотрѣны въ книгахъ *Ле-*

руа: «*Эволюція государственной власти*» (СПБ. 1907, ц. 70 к.) и «*Старое и новое право*» (К-во «Своб. трудъ», СПБ. 1907). Не лишенныя интереса юридическія соображенія въ духѣ синдикализма можно найти въ лекціяхъ проф. *Дюги*: «*Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства*» (пер. А. Ященко, съ пред. А. Алексѣева, Москва 1909, ц. 50 к.).

Изъ русскихъ теоретиковъ синдикализма укажемъ на *В. Поссе*. Теорія и практика пролетарскаго соціализма (Женева, 1905), на *Л. Козловскаго*, написавшаго превосходныя брошюры: «*Очерки синдикализма во Франціи*» (Изд. «Своб. мысль», Москва, 1906, ц. 65 к.) и «*Новыя вѣянія въ соціализмѣ передъ судомъ русской критики*» (Изд. Дороватовскаго и Чарушникова, Москва, 1908, ц. 50 к.). Идеями синдикальнаго анархизма и яркой критикой соціалъ-демократической тактики проникнута книжка *Новомирскаго*. «*Изъ программы синдикальнаго анархизма*» (СПБ. 1907, ц. 75 к.). Близокъ къ анархизму и *А. Буровъ* («*Рабочій вопросъ*», 1906, ц. 40 к.).

Критику синдикализма съ точки зрѣнія русскихъ соціалистовъ можно найти въ трудахъ соц.-демократовъ—*Г. Плеханова*: «*Отъ обороны къ нападенію*» (Изд. Друтманъ, Москва, 1910, ц. 3 р.) и *П. Стрѣльскаго*: «*Новая секта въ рядахъ соціалистовъ*» (Изд. «Петров. б-ки», Москва, 1908, ц. 1 р.), и соціалистовъ-революціонеровъ *В. Чернова*: «*Теоретики романскаго синдикализма. Поль Луи «Исторія синдикализма во Франціи»*. (Изд. «Сотрудничество», Москва, 1908, ц. 2 р. 20 к.) и *Сталинскаго*: «*Новое теченіе въ соціализмѣ*» (Изд. «Трудъ и Борьба», СПБ. 1907, ц. 30 к.).

Считаемъ полезнымъ указать еще на тѣ появившіяся въ свѣтъ изданія по вопросамъ синдикализма, которыя не были упомянуты въ очеркѣ:

Беноми: «Движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Италіи». (К-во «Голосъ». СПБ. ц. 10 к.)

А. Боровой. Реформа и революція. Статьи въ «Перевалѣ» 1906—1907гг.

А. Брамъ: «Въ поискахъ ортодоксіи». (Изд. Р. Дзиковской. СПБ. 1909, ц. 1 р. 50 к.).

М. Изидинъ: «Революціонный синдикализмъ и анархизмъ» (Лонд. 1907).

К. Оргеіани: «Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ» (съ пред. П. А. Кропоткина. Лонд. 1909).

К. Оргеіани: «О рабочихъ союзахъ». (Лонд. 1907.).

В. Поссе: «Рабочія стачки» (СПБ. 1906).

Пьеро: «Синдикализмъ и революція» (Изд. «Просторъ», СПБ. 1906, ц. 20 к.).

В. Тотоміанцъ: «Формы рабочаго движенія» (Изд. Глаголева, СПБ. 05, ц. 80 к.).

Фридебергъ. «Парламентаризмъ и всеобщая стачка» (Изд. Глаголева, СПБ., ц. 80 к.).

Сборники:

«*Вопросы момента*». Сборникъ статей: Маслова, Громана и др. См. статью Лягарделя: «Революціонный синдикализмъ во Франціи». Изд. «Начало». Москва, 1906, ц. 80 к.

«*Профессіональные союзы во Франціи*». Сборн. статей Гриффюэля, Дельзаля, Лягарделя, Лятани и Пуже. Изд. Иванова. Москва. 1908, ц. 40 к

«*Черное знамя*». Изд. «Священный огонь». См. статью Э. Пуже: «Основы синдикализма». СПБ. 1906, ц. 1 р.

«*Свобода и трудъ*». Анархизмъ-синдикализмъ. Сборн. I Изд. «Волна». СПБ. 1907, ц. 50 к.

«*Синдикализмъ*». Сборникъ. Изд. «Земля». СПБ. 1907, ц. 60 к.

«*Соціализмъ и синдикализмъ*». Подъ ред. В. Битнера. СПБ. 1907.

Н. Н. Бронштейнъ.

ХРОНИКА.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ ФЕДЕРАЦІИ РАБОТНИКОВЪ УМСТВЕННАГО ТРУДА.

Учредительное собраніе Федераціи работниковъ умственнаго труда состоялось 11-го апрѣля въ переполненной слушателями физической аудиторіи М. У. Масса публики, за недостаткомъ мѣстъ, не могла войти въ залъ. Собраніе открылось въ 8 ч. вечера выборомъ президіума. Предсѣдателемъ былъ избранъ А. А. Боровой, товарищемъ его—членъ Совѣта солдатскихъ депутатовъ Н. А. Лежневъ, секретаремъ—Е. Е. Свитловская. А. А. Боровой огласилъ передъ Собраніемъ Декларацію піонеровъ объединенія умственнаго труда, помѣщенную выше. Затѣмъ, въ вступительномъ словѣ онъ охарактеризовалъ позицію, которую должна занять Федерація умственнаго пролетаріата и разобралъ возраженія, которыя обычно дѣлаются противъ установленія классоваго характера умственнаго труда. Онъ указывалъ на необходимость пересмотра господствующаго понятія общественнаго класса, отмѣтилъ революціонный и анолитическій характеръ Федераціи и намѣтилъ методы ея дѣйствія, аналогичные съ методами промышленнаго пролетаріата.

Затѣмъ слово было предоставлено Льву Черному, который далъ краткій очеркъ эволюціи интеллектуальнаго пролетаріата, разобралъ господствующія теоріи общественнаго класса и подвергъ обстоятельному анализу ходячее воззрѣніе на знаніе, какъ на капиталъ.

Слѣдующій докладчикъ, А. А. Солоновичъ далъ общую характеристику положенія умственнаго пролетаріата въ современномъ капиталистическомъ строѣ.

Въ послѣдовавшихъ за докладами преніяхъ инициативной группѣ былъ поставленъ рядъ вопросовъ объ общихъ заданіяхъ Федераціи, будущемъ ея составѣ, характерѣ ея выступленій, отношеніи ея къ политическимъ партіямъ. Большинство ораторовъ отмѣчало чрезвычайную своевременность выступленія инициативной группы. Въ преніяхъ приняли участіе: Муралевичъ, Туркельтаубъ (Н. Сурскій), Хлѣбниковъ, Соловецкій, Аскритовъ, Кучинскій, Ройзманъ, Дробышевскій. Послѣ отвѣтовъ членовъ инициативной группы была оглашена резолюція, единодушно принятая Собраніемъ: «Учредительное Собраніе, признавая Федерацію работниковъ умственнаго труда необходимой, поручаетъ комиссіи выработать согласно принципамъ, провозглашеннымъ въ декларацiи, уставъ и структуру Федераціи и ея взаимоотношеніе и связь съ имѣющимися профессіональными организаціями работниковъ умственнаго труда, и подготовить въ возможно скорѣйшемъ времени представительное собраніе Федераціи».

Послѣ оглашенія резолюціи собраніе, по предложенію предсѣдателя, приступило къ избранію комиссіи изъ 25 человѣкъ для выработки проекта устава Федераціи и установленія формъ связи съ отдѣльными профессіо

нальными организаціями. Послѣ установленія и оглашенія списка членовъ были намѣчены также кандидаты для кооптаціи въ комиссію.

Собраніе было закрыто въ 11 ч. 35 м.

Комиссія, избранная Учредительнымъ Собраніемъ, открыла работы. Она выдѣлила рядъ подкомиссій: связи, пропаганды, лекціонную. Получены отъ отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ заявленія о присоединеніи къ будущей Федераціи и выборѣ делегатовъ. Поступаютъ также денежные сборы.

ДЕКЛАРАЦІЯ МОСКОВСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХЪ ГРУППЪ.

Освобожденіе рабочих должно быт дѣлом самих рабочих.

1) Анархическій соціализмъ ведетъ борьбу за переходъ въ общее народное достояніе орудій и средствъ производства и замѣну органа классоваго господства—государственной власти международнымъ союзомъ свободныхъ и равныхъ работниковъ, въ цѣляхъ планомѣрной организаціи мірового производства.

2) Въ цѣляхъ укрѣпленія пролетарскихъ организацій и развитія анархо-соціалистическаго сознанія, анархическій соціализмъ *поддерживаетъ борьбу за расширеніе сферы политической свободы и за улучшеніе экономическаго положенія труда.*

3) Въ текущей политической революціи анархическій соціализмъ ставитъ своей задачей *обезпеченіе устанавливающагося республиканскаго строя* отъ всякихъ попытокъ контръ-революціи. *Не довѣряя буржуазному Временному Правительству анархическій соціализмъ, однако, воздерживается отъ всякихъ выступленій противъ него*, пока оно не препятствуетъ веденію анархической пропаганды и организацій революціонныхъ массъ.

4) Разсматривая міровую войну, какъ имперіалистическую, анархическій соціализмъ *стремится къ прекращенію ея усиліями международнаго пролетаріата.*

5) Анархическій соціализмъ призываетъ массы къ воздержанію отъ участія въ непролетарскихъ, междуклассовыхъ учрежденіяхъ и къ обособленію пролетаріата въ своихъ *чисто классовыхъ организаціяхъ—профессіональныхъ союзахъ, совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ Совѣтомъ Совѣтовъ во главѣ*, въ цѣляхъ непосредственнаго давленія организованнаго пролетаріата на буржуазію.

6) Полагаясь только на революціонную самодѣятельность массъ, анархическій соціализмъ выдвигаетъ *всеобщую стачку рабочихъ и всеобщую стачку солдатъ* въ качествѣ переходной ступени къ прямому захвату организованнымъ пролетаріатомъ орудій и средствъ производства.

7) Анархическій соціализмъ призываетъ массы къ организаціи анархическихъ группъ по промышленнымъ и транспортнымъ предпріятіямъ, по профессіональнымъ и другимъ рабочимъ союзамъ, по солдатскимъ казармамъ и къ объединенію ихъ въ федераціи (союзы) въ цѣляхъ образованія анархическаго интернаціонала.

КЛУБЪ АНАРХИСТОВЪ.

По желанію и иниціативѣ группы мобилизованныхъ для культурной работы въ деревнѣ, при Университетѣ Шанявскаго организуется *Клубъ Анархистовъ*, задачей которого является углубленная научная

разработка проблемъ анархизма, осуществляемая въ непосредственномъ обмѣнѣ мнѣній, въ диспутахъ, лекціяхъ, докладахъ, издательствѣ и т. п. Въ качествѣ руководителей клубной работы будутъ приглашены соотвѣтствующія силы и, между прочимъ, товарищи анархисты, освобожденные изъ Бутырской тюрьмы и нашедшіе гостепріимство въ Университетѣ Шанявскаго.

Членами *Клуба* могутъ быть анархисты и лица, сочувствующія анархизму.

Въ качествѣ гостей приглашаются всѣ такъ или иначе интересующіеся анархизмомъ, при чемъ особенно желательны убѣжденные противники анархизма, къ какой бы политической партіи они не принадлежали.

Болѣе подробно задачи и дѣятельность *Клуба* опредѣлятся самими участниками клубной работы.

Что касается помѣщенія, то организаторы *Клуба* выражаютъ надежду, что Университетъ Шаниявскаго, оказавшій уже гостепріимство анархистамъ, томившимся въ Бутырской тюрьмѣ, и въ данномъ случаѣ не будетъ считаться съ распространеннымъ предубѣжденіемъ противъ анархистовъ и предоставитъ свободное помѣщеніе для засѣданій *Клуба*.

Будущихъ членовъ и гостей *Клуба* просятъ сообщать свои адреса (и телефоны) тов. Успенскому въ помѣщеніи Университета Шанявскаго отъ 10 ч. у. до 10 ч. в. лично и по телефону Университета.

Адресъ для письменныхъ сношеній: Главный Штабъ, Лефортовскій дворецъ, Владиміру Ивановичу Успенскому.

Москва, 11 апрѣля 1917 года.

Владиміръ Успенскій.

Издатель Н. В. Петровъ. Редакторъ А. А. Боровой.

Въ непродолжительномъ времени
выйдутъ новымъ изданіемъ
брошюры **АЛЕКСѢЯ БОРОВОГО**
„ЛИБЕРАЛИЗМЪ, СОЦІАЛИЗМЪ, АНАРХИЗМЪ“
и
„РЕВОЛЮЦІОННОЕ ТВОРЧЕСТВО и ПАРЛАМЕНТЪ“.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Изданіе Н. В. Петрова. Каретный рядъ, Б. Спасскій пер., д. 6, кв. 40. Москва.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

HX914
.K5
no.1

„КЛИЧЪ“

ДВУХНЕДѢЛЬНИКЪ

подъ ред.

АЛЕКСѢЯ БОРОВОГО.

ЗАДАЧИ: Защита автономной личности и творческаго самоутвержденія, объединеніе, организація и защита классовыхъ интересовъ трудовой интеллигенціи.

Хроника профессіональныхъ интеллигентскихъ организацій. Протоколы „Федераціи Работниковъ Умственнаго Труда“.

Изд. Н. В. ПЕТРОВЪ.

Цѣна 40 коп.

ГО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.